

В. П. ВОЛК-КАРАЧЕВСКИЙ

КАК ГРАБИЛИ РОТШИЛЬДА

ЛЮБОВЬ
И
МИЛЛИОНЫ

В. П. Волк-Карачевский

Как грабили Ротшильда.

Любовь и миллионы

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57140076

Как грабили Ротшильда. Любовь и миллионы: ТГВБ; Москва; 2020

Аннотация

Роман частично основан на реальных событиях. В середине XIX века в Париже бухгалтер похитил 30 миллионов из сейфов барона Джеймса Ротшильда, состояние которого тогда оценивалось в 150 миллионов и равнялось годовому бюджету Франции.

Под пером автора, мечтающего о лаврах Александра Дюма, Роберта Луиса Стивенсона и Эжена Сю, создателя «Парижских тайн», ограбление века приобрело более авантюрный и романтический характер. Главный герой – потомок аристократов, пострадавших во времена французской революции. Молодой маркиз, беспечный повеса и любимец женщин, после бесед со своим приятелем – бежавшим из России родоначальником анархизма Михаилом Бакуниным – задаётся вопросом, почему миллионами владеет не он – наследник славы Фанфана-тюльпана, блестяще владеющий шпагой, а какой-то приезжий Ротшильд, который и шпагу в руках держать не умеет!

Чтобы исправить историческую несправедливость, юноша под видом скромного бухгалтера проникает в финансовую компанию короля банкиров и становится его самым доверенным сотрудником. Сделать это ему удаётся благодаря помощи дядюшки своей невесты, чудаковатого философа, ветерана наполеоновских войн, который рад бы отомстить Ротшильдам за то, что они когда-то финансировали врагов великого полководца. Этот дядюшка содержит полуподпольное информационно-сыскное бюро, у него «под колпаком» все более-менее значимые люди в Париже: от уличных грабителей до особ высшего света, включая новоиспечённого императора Луи Наполеона III. Но охотники за миллионами Ротшильда сами оказались в роли дичи. За ними следит не менее изобретательный и коварный охотник – один из вожаков парижского преступного мира. Этот хладнокровный убийца не чужд философии и считает, что он больше, чем кто-либо, имеет право на миллионы Ротшильда.

События разворачиваются на фоне схватки Ротшильда со своими конкурентами – братьями Перейрами. Они начинали свой путь под крылом у Ротшильда. Освоив его методы и проникшись идеями Сен-Симона, братья создали знаменитый народный банк «Кредит Мобилье» и пытаются уничтожить Ротшильда как финансиста. Карл Маркс строчит гневные статьи о деятельности Перейров. Но им покровительствует сам император Луи Наполеон III, и Ротшильд оказался на грани краха.

Однако молодой маркиз и его всезнающий дядюшка вводят в окружение Ротшильда красавицу-авантюристку, испанку Евгению. Ротшильд не скупясь помогает ей. Евгения оттеснила от Наполеона III мисс Говард, англичанку, на деньги которой тот только что совершил государственный переворот и стал

императором. В результате корона императрицы достаётся Евгении. Она без труда убеждает Наполеона III изменить мнение о братьях Перейрах и Ротшильде, потому что народный банк, выплачивая вкладчикам высокие проценты, вот-вот лопнет, как это и предрекал великий пророк светлого будущего Карл Маркс, семья которого уже почти голодает, а наличность Ротшильда практически неисчерпаема.

Молодой маркиз вместе со своей невестой покинули Париж, успешно изъяв из сейфов Ротшильда тридцать миллионов франков, и скрылись то ли в США, то ли в России, где они помогли Михаилу Бакунину бежать из сибирской ссылки.

Обнаружив пропажу тридцати миллионов франков, Ротшильд слегка опечалился, но ненадолго, ведь у него осталось ещё сто двадцать миллионов таких же франков. А кроме того, ему конечно же было приятно видеть, что с каждым днём приближается банкротство братьев Перейров, как впоследствии и всех тех, кто пошёл их путём, – от Чарльза Понци до «МММ» Мавроди, «Чары», ГКО и «Хопёр-Инвеста».

Содержание

Первое предисловие об авторах	9
Второе предисловие автора	28
О молодом человеке приятной наружности	33
Долгожданная встреча	41
Прелюдия к содержательной беседе	45
Содержательная беседа	53
Что задумал мишель	58
О дядюшке Сангене	62
Начало истории Ротшильдов	66
Еврей фактор, финансист, банкир	72
Кто такие Фуггеры	77
Вильгельм I, ландграф Гессена	81
Казначей ландграфа	86
Маленький презент	90
Дела идут в гору	95
Сыновья	99
Наполеон I Бонапарт	103
Генерал и казначей	109
Деньги ландграфа	113
Завет	116
Соломон	120
Конец ознакомительного фрагмента.	122

В. П. Волк-Карачевский

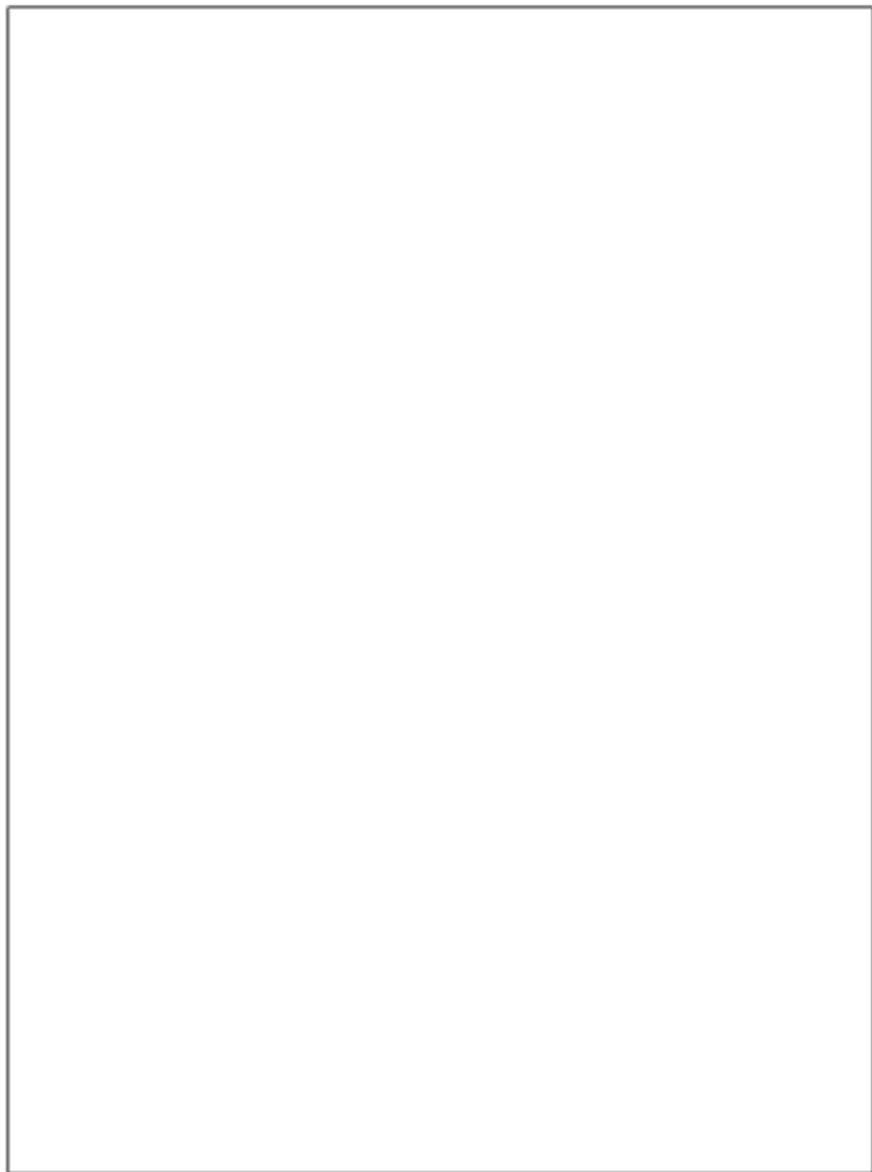
Как грабили Ротшильда.

Любовь и миллионы

© Волк-Карачевский В. П., текст, 2020

© «ТГВБ», внешнее и внутреннее оформление, издание,
2020

* * *

Страница, заимствованная из романа-лексикона в 100 000 слов М. Павича «Хазарский словарь» (Мужская версия). Но, в отличие от романа М. Павича, под ней никто не спит вечным сном. Это обычная цитата из произведения автора, любимого многими читателями

Первое предисловие об авторах

Одни биографы с восхищением описывают, как Ротшильды достигли финансового могущества, и утверждают, что этим они внесли свой вклад в развитие человечества. Другие анализируют их деятельность в истории Европы и доказывают, что Ротшильды ограбили целую эпоху, хитроумно перекачали в свои карманы богатства, накопленные аристократами и монархами, которые несколько веков обирали свои народы и тратили деньги на блестящие безделушки, шитые золотом одежды и пышные церемонии, бросая иногда горсть медяков воспевавшим их поэтам.

И вот ещё один виток человеческой комедии – и эти деньги уже тратят на себя выходцы из нищего квартала еврейского гетто, покупают замки старой французской знати, нанимают поваров, готовивших королям, и вместо когда-то вызывавших смех лапсердаков и ермолок учатся носить модные цилиндры и сшитые самыми лучшими портными фраки. Они жертвуют довольно приличные суммы на постройку приютов для парижских нищих, а правители государства счастливы, если Джеймс Ротшильд удостоит их своим посещением и позволит пустить в оборот облигации очередного займа, чтобы заткнуть дыры бюджета.

Джеймс Ротшильд любил пошутить. Когда его спрашивали, вырастет или понизится курс акций на бирже, он отве-

чал: «Откуда мне знать? Если бы я мог угадывать изменение курса акций, то стал бы богатым человеком».

Но нашёлся шутник, который ограбил и Ротшильда.

История этого ограбления удивительна, многое в ней долгое время было тайной, а кое-что неизвестно и по сей день. Один молодой человек приятной наружности действительно любил пошутить. Он пользовался полным доверием Джеймса Ротшильда и однажды, прихватив с собой тридцать миллионов франков из сейфов короля банкиров, скрылся в неизвестном направлении, перед этим, шутки ради, поставив его в известность, что на некоторое время покинет Париж. Ротшильд подумал, что всего лишь на четыре дня, а оказалось, что навсегда.

Нанятые Ротшильдом частные детективы шли по следам молодого человека приятной наружности во Франции, в Англии и в США. Им даже удалось установить, что его любовницу звали Жоржетта и что она была обаятельна и отличалась весёлым нравом, а это, как известно, привлекает мужчин не меньше, чем красота.

Но больше никто не смог узнать ровным счетом ничего.

И Ротшильду пришлось к убыткам в тридцать миллионов франков прибавить сумму, потраченную на детективов, — весьма значительную для сыщиков-профессионалов, но ничтожную в сравнении с пропавшими миллионами. А кроме того, он заплатил ещё и газетчикам, и они, не имея привычки отказывать таким уважаемым людям, как барон Ротшильд,

не стали изо всей мочи кричать о том, что случилось, понимая, как было неприятно уже немолодому барону обнаружить в своих сейфах вместо тридцати миллионов пустоту, когда-то открытую любопытным и темпераментным итальянцем Эванджелиста Торричелли, учеником великого Галилео Галилея.

Торричелли обнаружил пустоту в стеклянной трубке, запаянной с одного конца, наполненной ртутью и опрокинутой в чашку с такой же ртутью – жидким металлом серебристого цвета. Он был несказанно рад своему открытию, ведь оно опровергало голословное утверждение Аристотеля о том, что природа якобы боится пустоты, и вполне возможно, что Торричелли, сообразив, что природа вообще ничего не боится, пустился в пляс, и, не скрывая охватившего его бурного веселья, станцевал какую-нибудь тарантеллу – танец, исполняемый в очень быстром темпе и сопровождаемый ударами в тамбурин, то есть в продолговатый барабан.

В отличие от Торричелли, Ротшильд, обнаружив пустоту в своих сейфах, ключи от которых он доверял только молодому человеку приятной наружности, признаков радости не проявил, а поддался грусти и печали. Понимая глубину его чувств, газетчики освещали в парижских газетах всё, что произошло, весьма сдержанно и постарались отвлечь внимание досужих парижан разными прочими новостями и сообщениями, например, о войне в Крыму и о том, что один из бульваров города Парижа наконец-то назовут Севастополь-

ским.

И даже биографы Ротшильда не уделяют много внимания этому «ограблению века», века девятнадцатого, упоминают о нём вскользь, мельком, а то и вовсе умалчивают, увлекаясь описанием подробностей гениальных финансовых операций короля банкиров и его любви к классической живописи.

Это невиданных ранее размеров ограбление случилось через несколько лет после смерти великого писателя Бальзака. Создатель «Человеческой комедии» был вхож в дом Джеймса Ротшильда. Мастер пера пытался убедить нувориша оплатить свои огромные долги, неизбежные в процессе создания литературных шедевров, особенно если их творцу приходится жить в Париже, в этой столице мира полной соблазнов. Джеймс Ротшильд не заплатил долгов знаменитого романиста, а предложил ему всего лишь чашечку кофе.

Но Бальзак каждую ночь пил кофе ведрами и ему он был не в новинку. Кофе у Ротшильда он пить не стал и умер. Однако перед уходом в мир иной успел рассказать всем парижанам, что Ротшильд, не будучи красавцем с виду, за что его и называли обезьяной во фраке, не приложил ни малейших усилий для того, чтобы его супруга красавица Бетти подарила ему сына-наследника.

Поэтому во время похорон Бальзака барон Ротшильд первым шёл за его гробом и нёс чашечку кофе.

Не случись Бальзаку умереть, он конечно же не пропустил бы случая написать роман об «ограблении века», то

есть о том, как у Ротшильда похитили тридцать миллионов франков. Ведь написаны же романы и сняты кинофильмы об ограблении века двадцатого. Тогда пятнадцать англичан, отсидевших не один срок в тюрьмах, начитались романов писателя Достоевского, взяли топор и пошли грабить почтовый поезд с деньгами. Они ударили машиниста тепловоза не острием топора, а обухом, тот залился кровью, но остался жив. Преступников, прихвативших с собой сто двадцать мешков, набитых деньгами, ловили всей Англией и в конце концов поймали.

Признаюсь тебе, мой взыскательный читатель, мне больше по душе ограбление века девятнадцатого. Почтовый поезд вез ветхие мелкие купюры для сдачи их в утиль. А молодой человек приятной наружности изъясил из сейфов Ротшильда ничуть не меньшую сумму новенькими хрустящими банкнотами, причём крупными. И не пролил ни капли крови. Он никого не бил топором по голове. Ни обухом, ни острием. И вёл себя сдержанно и вполне прилично. А с Ротшильдом беседовал мило и непринужденно. И к тому, что произошло, имела отношение прекрасная Жоржетта. Ведь дело происходило во Франции. «Ищите женщину», – говорят французы. И её искали. Но не нашли. Как не нашли и молодого человека приятной наружности. С такими деньгами, какие оказались у них в руках, они пожелали остаться вдвоём и в таком месте, куда не добраться никаким сыщикам, даже если их попросит сам барон Джеймс Ротшильд и

пообещает им щедрое вознаграждение.

Бальзак покинул этот мир, Александр Дюма уехал путешествовать по России, где он, восторженный фантазёр и известный гурман, не раз закусывал под развесистой клюквой, и написать роман об «ограблении века» было некому. И тем не менее роман этот написан. Возможно, он не так обширен, как сочинения господина Бальзака, и не так живописно изображает тонкости души человеческой, может быть, это даже не роман, а краткая повесть или просто длинный рассказ с предисловиями и послесловием и вставной новеллой. Но у него есть и некоторые достоинства.

Во-первых, я надеюсь, что он так же занимателен, как и всё, что в своё время второпях успел написать Александр Дюма, пока нетерпеливым белошвейкам не удавалось отвлечь его от пера и бумаги. А во-вторых, вот он, в Ютубе, и его можно слушать, не ожидая, пока нерасторопный издатель подсуетится договориться с типографией и книжными лавками, число коих стремительно уменьшается, словно шагреновая кожа. Слушать, даже не затрудняя себя необходимостью составлять слога в слова, которые, по точному замечанию Гоголя, иной раз чёрти что и значат.

Роман, о котором идёт речь, написан на основе рукописи, попавшей ко мне, как это и положено, совершенно случайно.

В одном из московских букинистических магазинов я обратил внимание на фолиант внушительной толщины в переплёте, оклеенном мраморной бумагой. Удивила его цена –

можно сказать, бросовая, всего несколько рублей, не соответствовавшая солидному виду книги. Я раскрыл её и на титульном листе прочёл: «Полное собрание сочинений графа Сен-Симона, толкующих о преобразовании мира и его наилучшем устройстве». Был указан год издания – 1903-й – и то, что перевод с французского языка «исполнил NN, образцовый сельский хозяин собственного именица при селе Крулихино Болгатовской волости Опочецкого уезда Псковской губернии».

Все, кто во время существования государства СССР получал высшее образование, в обязательном порядке штудировали учение, которое называлось марксизм-ленинизм (оно составляло чуть ли не половину тогдашнего высшего образования в любой области знаний), и хорошо помнили, кто такой граф Сен-Симон.

Дело в том, что для придания марксизму-ленинизму сходства со Святой Троицей (Бог-Отец, Бог-Дух Святой, в виде голубя Бог-Сын) официально считали, что марксизм-ленинизм имеет три источника: немецкую классическую философию, английскую политическую экономию и французский утопический социализм. У каждого источника было по два апостола: Гегель и Фейербах, Смит и Рикардо, Сен-Симон и Фурье, в вышперечисленном порядке следования источников. Таким образом, всех апостолов шесть, в отличие от двенадцати христианских апостолов, которые вместе с самим Христом, в венчике из роз, составляли уже чёртову дю-

жину, то есть число тринадцать. Что тонко подметил поэт Александр Блок – прототип Пьеро, влюбленного в прелестную Мальвину, из знаменитой сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

Сен-Симон – исторический персонаж, замечательный во многих отношениях. Он происходил из фамилии, умело находившей основания считать своим родоначальником Карла Великого, когда-то чуть было не объединившего большую часть Европы в единую империю. Но достоверно известные Сен-Симоны появились значительно позже. Один из них, Клод де Рувруа Сен-Симон, стал пажем короля Людовика XIII. Он сопровождал его во время охоты, доставлял ему любовниц, получил титул герцога, и вошёл в ближайшее окружение королевы-матери Марии Медичи – её часто путают с другой Медичи – Екатериной, устроившей кровавую Варфоломеевскую ночь, описанную во многих романах и осуждённую царём Иваном IV Грозным, за свирепость прозванным Васильевичем.

Мария Медичи собрала гостей на праздник в честь победы над кардиналом Ришелье, которого сама несколько лет назад вывела в люди, а Клод Сен-Симон, проведав, что король намерен поддержать не мать, а Ришелье, переметнулся на сторону кардинала. Это событие известно в истории Франции как «день одураченных» или «день дуралеев». Не приняв участия в этом празднике, Сен-Симон сохранил жизнь и свободу, дожил до преклонных лет и после смерти

первой супруги взял в жёны юную красавицу.

Как рассказывали придворные насмешники, одряхлевший герцог после трех лет нелёгких трудов всё же сумел соорудить со своей молодой женой сына-наследника. Ребёнок был хилый, некрасивый, впоследствии малорослый. Но именно он – Луи де Рувруа Сен-Симон – прославил фамилию, написав ставшие знаменитыми «Мемуары». Он язвительно и остроумно изобразил придворную жизнь времен короля Людовика XIV со всеми, порой очень пикантными, подробностями, чем заслужил прозвище французского Тацита и благодарность историков последующих поколений.

Его дальний родственник Клод Анри де Рувруа Сен-Симон – уже не герцог, но всё ещё граф, – оставил в истории ещё более заметный след. О славе он мечтал с юношеских лет и приказал своему слуге будить его по утрам словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела». Фразу эту и сегодня без труда можно найти во всех собраниях афоризмов и крылатых слов. А когда дошло до дела, Сен-Симон, движимый страстным порывом, перво-наперво отправился в Америку сражаться за освобождение высланных из Англии каторжников, душегубов и проституток от тирании английского короля.

Но попал в плен, а после того как англичане неосмотрительно выпустили его на волю, долго пытался внушить испанскому правительству мысль соединить каналом два океана – Атлантический и Тихий – в самом узком месте Панам-

ского перешейка. Испанцы оказались непонятливы, и Сен-Симон стал убеждать их прорыть канал от Мадрида до моря. Но тут как раз началась Великая и Кровавая французская революция. Сен-Симон во всеуслышание отказался от графского титула, а когда герцоги, маркизы, бароны и виконты не последовали его примеру, приловчился спекулировать конфискованными у аристократов землями и за пару лет сколотил солидный капитал.

Капитал этот он промотал.

Чтобы промотать сколько-нибудь приличный капитал, нужны красивые женщины, шампанское и компания весёлых и беззаботных друзей. Но Сен-Симон провидчески пошёл другим путем. Он потратил деньги на науку. Во-первых, сам не без пользы для умственного развития изучал всё, что попадалось под руку, а во-вторых, не скупился оплачивать учёных, призванных им для того, чтобы «проложить новый физико-математический путь человечества». Сен-Симон предложил заменить религию «ньютонизмом», так как именно Ньютон мог бы «управлять солнечным светом и руководить жителями планет». На все свои деньги Сен-Симон, опять же провидчески, планировал построить «мавзолеи Ньютона» и заменить ими церкви – католические, и протестантские кирхи, и православные храмы в далёкой России.

Но вдруг обнаружилось, что деньги закончились. Мечтательный Сен-Симон безоглядно просадил их за несколько лет, как безудержный гуляка за одну веселую ночь в дорогом

ресторане. Тогда потомок герцогов и графов нанялся переписчиком в ломбард, чтобы заработать на хлеб. Труд переписчика в ломбарде утомителен и скучен и не способствует мечтам. Сен-Симон поселился на чердаке и стал жить на средства друзей, но больше на пожертвования богатых людей, – он посылал им свои сочинения и просьбы о деньгах.

Богатые люди сочинения не читали, но денег, хотя и немного, давали, и Сен-Симон продолжал писать один трактат за другим. Потом кто-то из богатых людей все же прочел одну из присланных ему рукописей. В ней убедительно излагались доказательства, что не пролетариат должен работать на богатых людей, а богатые люди обязаны не покладая рук трудиться для счастья и процветания пролетариата. Когда такие воззрения Сен-Симона стали известны богатым людям, они перестали давать ему деньги для продления существования.

Лишившись средств, Сен-Симон решил окончить жизнь самоубийством. Он неумело выстрелил в себя, выбил глаз и остался жив. Учеников, а их вокруг Сен-Симона уже собралось немало, поразил отчаянный жест учителя человечества и они стали приносить ему для пропитания хлеб и воду. Сен-Симон в благодарность за это вдохновенно рассказывал им, что золотой век, который философы ошибочно помещали в прошлое, на самом деле находится в будущем и в это светлое будущее людей приведут пролетарии, поэтому надо освободить их от рабского труда. И пояснил, что настоящей

славы достигают только сбежавшие из сумасшедшего дома, а на смертном одре уверенно сказал: «Будущее принадлежит нам».

Сенсимонисты утверждают, будто их великий учитель имел в виду, что будущее должно принадлежать трудящимся, а себя он, как потомок императора Карла Великого, считал пролетарием мысли и умственного труда. Хорошо известно и еще одно высказывание Сен-Симона: «От каждого по способностям, каждому по труду». Это выражение в государстве СССР Иосиф Виссарионович Сталин вписал в Конституцию 1936 года. Позже по какому-то недоразумению стали говорить, что каждый получит столько, сколько сумел вывезти за границу – в Лондон и в другие места. Сочинения Сен-Симона в СССР издали, но чтобы заслужить «ромбик» – значок, который выдавали человеку с высшим образованием, – читать их полностью не заставляли. На получение высшего образования отводилось пять лет и времени не хватало. Даже труды основоположников марксизма-ленинизма, Маркса и Ленина, приходилось изучать не все до единого, а выборочно.

Толстенная книга 1903 года издания, видимо, первый том полного собрания сочинений Сен-Симона, не заинтересовала меня, несмотря на то что стоила всего несколько рублей. И тем не менее я спросил букиниста, почему книга, имеющая такой внушительный вид, стоит на удивление дешево. Он ответил, что книга ненастоящая. В ней только первые двадцать

страниц – перевод сочинения Сен-Симона «Индустрия», а остальные семьсот – какая-то рукопись, вставленная в книжный блок.

Я раскрыл том, и действительно, большая часть его представляла рукопись, написанную разборчивым каллиграфическим почерком, напоминавшим образцы из школьных прописей. Сначала мне показалось, что это комментарии к сочинениям Сен-Симона, но потом я понял, что автор рассуждает и о воззрениях других философов, в частности о знаменитом высказывании «собственность есть кража» известного типографского наборщика из французского города Безансона, анархиста и масона Пьера Жозефа Прудона, у которого Лев Толстой позаимствовал название «Война и мир» для своего романа-эпопеи. С удивлением я узнал из рукописи, что фразу «собственность есть кража» Прудон сам прихватил у еврейского мыслителя Иегуды бен Тимона, который ещё в XIII веке утверждал, что «любые деньги – это кража». Прудон сказал, что «собственность – это воровство», перифразировав слова Жана Пьера Бриссо «собственность есть кража».

Кто такой Бриссо? Это сын французского трактирщика, так как во Франции полным полно трактиров. Бриссо выучился на юриста, его хвалил сам Вольтер, а власти преследовали, и Бриссо пришлось уехать в Лондон. Он пытался уговорить англичан не торговать чернокожими рабами и даже посетил Америку, чтобы лично убедиться, как нехорошо

продавать людей словно баранов или мешок крупы для приготовления овсяной каши. Но когда вспыхнула (или грянула) Великая и Кровавая французская революция, Бриссо немедленно оказался в Париже, проголосовал за казнь короля, и предложил учредить республику не только во Франции, но и во всей Европе.

За такую щедрую расточительность идей Бриссо приговорили к смертной казни и отрубили голову. Но не как королю Людовику XVI – тот был на эшафоте один и спрашивал, нет ли вестей об экспедиции Лаперуза, но палач не мог удовлетворить любопытство короля, так как даже не знал, кто это такой – граф Жан Франсуа де Гала де Лаперуз, который вопреки воле родителей женился на креолке и ошибочно принял остров Сахалин за полуостров, на самом деле отделенный от материка проливом Татарского, а от острова Хоккайдо – проливом, названным в честь самого Лаперуза.

Бриссо отрубили голову не одному, а вместе с двадцатью товарищами, чтобы не было скучно и они могли бы на эшафоте подбадривать друг друга.

Поразмыслив над словами Бриссо «собственность есть кража» и утверждением Иегуды бен Тимона, что «любые деньги – это кража», я не колеблясь отдал букинисту несколько рублей, забрал книгу и ушёл домой.

Дома я ещё раз перечитал нижнюю часть титула, заинтересовавшую меня более всего: «Перевод исполнил NN, образцовый сельский хозяин собственного именица при селе

Крулихино Болгатовской волости Опочецкого уезда Псковской губернии. 1903 год». Образцовыми сельскими хозяевами называли небогатых помещиков, которые сами вели хозяйство и, кроме того, настойчиво убеждали крестьян соседних деревень не ковырять землю деревянной сохой, а пахать её железным плугом, как это делают богопротивные немцы и хитрокозненные англичане, не пропускающие случая устроить России какую-нибудь пакость в Средней Азии, а то и прямо в Петербурге.

Я полистал несколько томов «Энциклопедического словаря» издателя Брокгауза и ещё кое-какие книги. Да, действительно в Болгатовской волости Опочецкого уезда есть село Крулихино «с сельскохозяйственной школой при нём». В Опочецком уезде и село Михайловское, где не худшие свои годы довелось провести Пушкину, хотя он и скучал по столичной суете... Здесь же, на кладбище «близ Святогорского монастыря поэт и погребен...» Присматривал за сосланным в Михайловское Пушкиным «по обязанности своего положения» предводитель местного дворянства и сосед по имени Алексей Иванович Львов, отставной полковник артиллерии. В отчете агенту тайной полиции он сообщал, что «ничего предосудительного о Пушкине не слышно...»

В селе Крулихино у Львовых был барский дом, владели им в начале XX века уже сыновья Львова. Дом в два этажа «в форме разомкнутого каре с ризалитами и бельведером», на каменном фундаменте, валунная кладка с кирпичами, так

называемый белорусский стиль. В доме «зал с двумя светами», бильярдная, зимний сад. Во дворе флигель, оранжерея, парк с вековыми дубами, ясенями и клёнами, «густые аллеи», фигурный пруд, но уже заросший, композицию парка портят берёзки-самосев... В те времена, то есть в начале XX века, в барском доме имелся телефон и можно было звонить в Опочку и Новоржев.

А в наше время стали известны даже географические координаты Крулихино: 56 градусов 49 секунд северной широты и 28 градусов 59 секунд восточной долготы, и имеется спутниковая карта, на которой хорошо видны село и река Овсенка.

Возможно, образцовый сельский хозяин NN, помещик небольшого именица, бывал у Львовых, особенно зимой, когда меньше сельскохозяйственных работ. Играл с хозяевами барского дома в бильярд и в зале «с двумя светами» читал отрывки из своих переводов Сен-Симона и комментарии к ним. Шел 1903 год. В Лондоне на съезде партии большевики (они так называли себя, потому что их собралось очень много – человек тридцать) уже приняли программу свержения самодержавия в России. Они планировали, что это совершат внуки их внуков лет этак через сто. Но время ускорило. Впереди были 1905 – 1907 годы, а потом и 1914-й и 1917-й... А образцовый сельский хозяин именица близ села Крулихино переводил сочинения Сен-Симона и подробно комментировал их, ничуть не задумываясь о грядущих событи-

ях.

Я взялся читать рукопись. И с удивлением обнаружил, что это не комментарии к трудам Сен-Симона, а некое литературное произведение, повествование, основанное на реальных событиях, произошедших в 1850-х годах в Париже, когда из сейфов барона Джеймса Ротшильда похитили тридцать миллионов франков. Произведение это было написано в жанре диалога на манер диалогов Платона, но еще более напоминало «Диалог о двух главнейших системах мира» Галилео Галилея. Несмотря на разборчивый почерк, пришлось приложить значительные усилия, чтобы прочесть рукопись. Рассказ об ограблении Ротшильда занимал её десятую часть, остальное заполняли философские рассуждения о том, хорошо ли воровать деньги у богатых людей, особенно если эти деньги они нажили сомнительным способом.

Сама история о похищении миллионов показалась мне занимательной. Интересно было и то, как действовал похититель, и мотивы его поступка, и стимулы, которые им двигали. Я нашёл в библиотеке несколько книг о Ротшильдах – все, которые удалось найти. Только в одной из них я обнаружил краткий рассказ о том, что произошло в сентябре тысяча восемьсот двадцатого года в Париже, в конторе компании «Северная железная дорога», сердце деловой империи Ротшильда на тот момент. Да, действительно, из сейфов исчезли тридцать миллионов франков. Каким образом и чем всё это закончилось – об этом ни слова. Я просмотрел русские газеты

того времени, нашёл несколько упоминаний об «ограблении века», но тоже невнятных и кратких.

В рукописи, случайно оказавшейся у меня, события излагались подробно и уверенно, так, словно сведения о них получены из первых рук. Как человек, зарабатывающий на хлеб пером, я подумал о том, чтобы опубликовать рукопись. Не с целью выразить сочувствие Ротшильду или восхититься ловкостью похитителя, а из рассуждения о том, что история эта заинтересует издателя, а потом читателей, которые к тому же и покупатели, что очень даже немаловажно. Но, разумеется, в изначальном виде она не могла бы привлечь к себе внимание.

Я взял карандаш и вычеркнул из рукописи большую часть философских рассуждений и отдал ее печатать машинистке. Из семисотстраничной рукопись превратилась в стостраничную. Однако читать её стало не намного легче. Она казалась «рваной», стиль изложения сделался неровным. Тогда я не поленился переписать рукопись от начала до конца. Стало ясно, что требуется добавить описание истории семейства Ротшильдов. Я сделал это, стараясь опираться на известные факты, которые можно найти в биографиях знаменитых банкиров. Собирая уже обновлённую рукопись, я позволил себе кое-где лирические и исторические отступления.

Потом я озаглавил рукопись. Не мудрствуя, назвал её «Как ограбили Ротшильда» и отнес издателю. Издатель, увидев название, пришёл в восторг. Он торопливо прочёл руко-

пись, добавил в название слова «История любви» и отдал в набор. Роман (а если угодно, повесть или рассказ) вышел под моей фамилией.

Во-первых, я всё-таки изрядно потрудился для того, чтобы рукопись, по воле случая попавшая ко мне, стала удобочитаемой: сокращал, переписывал и дополнял разными полезными сведениями.

Во-вторых, я не знаю имя и фамилию NN – настоящего автора, чтобы присоединиться к нему соавтором.

И в-третьих, я честно рассказал историю рукописи, дабы NN (или его потомки, если таковые объявятся) не обвинили меня в краже, как Иегуда бен Тимон мог бы обвинить в этом Жана Пьера Бриссо, а тот Прудона, и как совершенно справедливо Ротшильд обвинил в краже молодого человека приятной наружности.

Второе предисловие автора

Не стану следовать совету умудрённого опытом Квинта Горация Флакка, не буду отбрасывать начало и рассказы сразу со середины. Люблю Горация, но странную любовь – рассудок мой подсказывает иное. У Горация, поэта несомненно талантливого, но беспечного, всего достигшего писанием совершенных стихов, нравившихся Мecenату, попадают, как выразился один из героев Гоголя, зернистые мысли, и в этом легко убедиться, взяв любое собрание латинских афоризмов. Там Гораций на каждой странице. Но должен же кто-то пренебречь его мудростью. Пускай этим «кто-то» буду я и поэтому начну повесть с самого начала, даже заглядывая в предысторию, а уж до середины доберусь попозже, и, надеюсь, вместе с тобой, мой нетерпеливый читатель.

Прежде всего нужно хотя бы в общих чертах описать главных героев. То есть Ротшильдов, это ведь у них молодой человек приятной наружности, одобряемый прекрасной Жоржеттой, так элегантно похитил тридцать миллионов франков. Легкомысленный читатель вправе воскликнуть: «Нет, нет, погоди, не лучше ли начать с молодого человека приятной наружности и прекрасной Жоржетты? Ведь на первый взгляд они куда более симпатичны и привлекательны, чем какие-то Ротшильды!»

«Э нет, – поначалу ответчу я легкомысленному читателю, – это так кажется только именно на первый взгляд. Но стоит как-нибудь поразмыслить и желателью поразмыслить логически, взвешивая на весах разума всё, что поддается взвешиванию, и сразу возникает вопрос: а не будь на белом свете Джеймса Ротшильда с его сейфами, в которых надёжно хранились тридцать миллионов франков, у кого бы молодой человек приятной наружности их похитил, как бы его ни умоляла сделать это прекрасная Жоржетта?»

Поэтому начну всё-таки с Ротшильдов.

А кроме того, меня всегда занимает вопрос о нравственности.

Чтобы дать возможность читателю, жаждущему высоких истин и разного рода нравочений, не задумываясь проглотить рассказ о том, как ловко молодой человек приятной наружности, вспоминая о прелестях Жоржетты, открыл ключами Ротшильда его же сейфы и без трудов праведных легко и даже с некоторым изяществом уменьшил состояние не в меру доверчивого банкира на тридцать миллионов, я недрогнувшей рукой вычеркнул из первоначальной рукописи почти все философские рассуждения.

Но что касается нравственности... Я, как и Гоголь, немею перед нравственностью. Без нравственности я – и не только я, но и очень многие другие в наше время, да и во все иные времена, – ни шагу.

Нравственно ли поступил молодой человек приятной на-

ружности, без спроса позаимствовав тридцать миллионов у Ротшильда, даже если учесть, что сделал он это не из слепой жажды наживы, а всего лишь ради нежных ласк прекрасной Жоржетты?

А нравственно ли то, что в сейфах у Ротшильда имелось тридцать миллионов? В результате нравственных ли действий или, если прибегнуть к возвышенной поэтической речи, деяний эти тридцать миллионов оказались в бронированных сейфах короля банкиров?

И что нравственнее: пустить эти тридцать миллионов в оборот, добиться за приличную взятку возможности провести пятипроцентный государственный займ и приумножить деньги, или прокутить их с весёлой Жоржеттой, всегда привлекательной и неудержимо увлекательной?

Кто тебе больше по сердцу, мой всегда справедливый и взыскательный читатель: финансовый золотарь всех монархов Европы старик Ротшильд, действительно похожий на безобразную обезьяну, или молодой человек, действительно приятной наружности вместе с обольстительной Жоржеттой?

Полагаю, в этом вопросе многое зависит от точки зрения. Но точки зрения случаются разные. А когда их много, они составляют линию. А линии тоже бывают разные. Прямые и кривые. Прямые, если они параллельные, никогда не пересекаются, а если и пересекаются, то только где-нибудь далеко-далеко в пространстве. А кривые петляют, как заячьи

следы, когда этот длинноухий обитатель лесов и полей хочет запутать рыжую лисицу или охотника с ружьём.

Открой, о жаждущий высоких истин и точных знаний читатель, тома энциклопедий и сайты Википедии и прочти, что такое точка, линия, кривая. Что такое линия горизонта, мировая линия, линия фронта и линия танца. Взгляни на свою ладонь и задумайся: что такое линия жизни, линия судьбы, линия смерти. Вообрази себе черты лица прекрасной Жоржетты и подумай, что такое линия красоты.

А я тем временем возьмусь за Ротшильдов. Скучен мир без Ротшильдов, невесел, уныл и однообразен, как дождик, беспросветно морозящий поздней безнадежной осенью, когда небо в низких серых безликих облаках и дремота паутиной ползёт изо всех углов. Ротшильды украшают мир. Ротшильды спасут мир, а отнюдь не красота, как ошибочно надеялись ранее.

И вот первый Ротшильд. Его зовут Майер. Он родился в бедной семье в еврейском гетто города Франкфурт-на-Майне.

И тут я слышу возмущенный голос. Это твой голос, мой не любящий скучать читатель.

Как я полагаю, ты все-таки хочешь, чтобы я начал повествование не с описания семейства Ротшильдов. Ну подумаешь, Ротшильды. Ну богачи. В истории их семейства полно примеров изворотливости, бережливости, граничащей со скупостью, всякого рода подлости, предусмотрительности

и рассказов о финансовой изобретательности, рискованных банковских операциях, повышении и понижении биржевых курсов, скупке облигаций через подставных лиц и взятках нужным людям, которые ради своих минутных удовольствий продадут интересы народа, что и обеспечивает миллиардные прибыли, купленные всего-то за пару миллионов, и любой из представителей обманутого народа готов заклеить позором всякого продажного взяточполучателя и в самых радужных снах видит себя на его месте.

Всё это, конечно, интересно. Но возникает подозрение, что в истории семейства Ротшильдов отсутствует хоть что-нибудь романтическое.

А вот то, что вместе с молодым человеком приятной наружности упоминается прелестная Жоржетта, обещает кое-что поинтереснее колебания процентной ставки акций и секретной отчётности государственного казначейства.

Признаюсь, я всегда готов потакать вкусам и запросам читателей. Так и быть, начнём с молодого человека приятной наружности и, разумеется, с его непростых отношений с Жоржеттой.

О молодом человеке приятной наружности

Итак, молодой человек приятной наружности. Его имя Мишель, а предки в прошлые века получили титул маркиза. И конечно же прославились в разных битвах и сражениях. Дедушка Мишеля, маркиз Рене д'Аркур де Беврон, был легендарной личностью во времена короля Людовика XV. История женитьбы маркиза, рождение его сыновей-близнецов: брюнета Анри и белокурого Красавчика Клода, попытка Клода убить брата, и то, как Анри убил Красавчика Клода, а потом по заданию верховных масонов накануне Великой и Кровавой французской революции уехал в Россию и пробыл в ней почти тридцать лет, достойна отдельного приключенческого романа. Я постараюсь рассказать об этом покороче, а главное, попозже и, беспокоясь о стройности основного повествования – в виде вставных новелл между главами, а то и вовсе приложением в конце книги.

Маркиз Анри д'Аркур де Беврон вернулся в свой родовой замок крепким с виду стариком, с двухлетним сыном Мишелем и вскоре умер.

Пока маркиз улаживал в далёкой России дела верховных масонов, французы не сидели сложа руки. Для начала парижане штурмом взяли неприступную тюрьму Бастилию, и, не

найдя в ней узников, в гневе разрушили её до основания, а затем долгое время танцевали на развалинах, и объявили, что каждый человек имеет право на свободу, жизнь и равенство.

В честь этого французы лишили свободы своего короля, а потом, исходя из права на жизнь, отрубили ему голову, а заодно и его супруге, потому что она была родом из Австрии и в Париж приехала из Вены. Равенство означало, что головы можно рубить всем без особого разбора, было бы желание, но для начала аристократам в париках, уже хорошо пожившим и знавшим толк в удовольствиях и умевших ценить беспечность.

Все это привело ко многим войнам, так как аристократы бежали из Франции во все стороны. Их имения конфисковывали, у крестьян отнимали «излишки еды», и французская армия во главе с Наполеоном понесла свободу народам Европы от Испании до России. В России очень холодно и зимой даже медведи спят в берлогах, поэтому большая часть французской армии замерзла на обратном пути. Европейские монархи всё-таки разгромили Наполеона. Кстати, денег для этого они одолжили у Ротшильдов. Во Франции восстановили королевскую династию Бурбонов. Кстати, денег на это под небольшой процент дали Ротшильды. Королём стал Людовик XVIII, а когда он умер от непомерной тучности тела, место на троне занял его брат Карл X, тоже очень солидной комплекции.

Аристократы требовали возвращения конфискованных, переконфискованных, трижды проданных, перепроданных родовых владений. Карл X, понимая, что отнимать земли у новых хозяев хлопотно, предложил выплатить прежним владельцам стоимость их поместий. Были выпущены облигации на миллиард франков. Кстати, деньги опять одолжили у Ротшильдов. Курс облигаций на бирже упал, потом вырос, потом упал ещё раз. Начался кризис. Чтобы хоть как-то поправить дела, на улицах Парижа построили баррикады. Карлу X пришлось бежать в Англию. На трон взошёл Луи-Филипп Орлеанский. Кстати, его ближайшим доверенным лицом стал Ротшильд. Они вместе торговали акциями на бирже и оба на удивление удачно, потому что умели понижать курс, когда покупали, и повышать, когда продавали.

Приблизительно в это время маркиз Анри д'Аркур де Беврон и вернулся во Францию. Его не интересовала судьба конфискованных когда-то фамильных владений. Он не покупал ни акций, ни облигаций и прожил недолго. После его смерти малолетнему Мишелю достался старинный замок с огромным одичавшим парком. Юного маркиза содержали старые слуги. Он рос нищим дворянином и всё свое время проводил в фехтовальном зале и на охоте.

В шестнадцать лет Мишель при секундантах заколол на дуэли одного из своих соседей – тридцатипятилетнего наглеца и грубияна. Ещё через год девицы окрестных деревень возмечтали вернуть одну из феодальных повинностей дав-

них лет, а именно право первой ночи. Уж больно красив, строен и привлекателен молодой маркиз и все-то он замечает... Но восстановить эту повинность в законодательном порядке не представлялось возможным, и поэтому каждая из девиц действовала на свой страх и риск, но всегда успешно.

Кое-кто из дам высшего сословия, соседки Бевронов, тоже обратили внимание на юношу, ни в чём не уступающему более зрелым мужам, а их превосходящему за счет расчетливой смелости и привычки от слов быстро переходить к делу, а то и не отвлекаясь на слова. Это ведь только говорят, что вначале должно быть слово, но многие предпочитают словам дело, особенно те женщины, которые имеют опыт и всё чаще задумываются о разных свойствах времени и, в первую очередь, о его невозвратности и быстротечности.

Герцогиня де Фор де Виж+ен, давно перешагнувшая черту преклонных лет, так увлеклась Мишелем де Бевроном, что решила выдать за него свою внучку Генриетту. Герцогиня в молодости слыла красавицей, о её бурных романах и приключениях с самыми знаменитыми любовниками когда-то говорил весь Париж. Ходили слухи, что сам король Людовик XV посещал герцогиню втайне от своей последней фаворитки.

Внучка герцогини не отличалась красотой, но жаждала повторить успехи бабушки. Виж+ены единственные из многочисленных обитателей округа имели приличное состояние, и солидное приданое за Генриеттой привлекало жени-

хов, хотя они и не могли потягаться с Мишелем д'Аркуром де Бевроном, владельцем всего лишь старинного замка и одичавшего парка, но обладавшего другими неоспоримыми достоинствами. Правда, на пути к желанному замужеству у внучки герцогини была преграда, о которой знали и бабушка, и внучка, но которую они не желали замечать. А напрасно.

Преграду эту звали маркиза Жоржетта де Винье. Если Мишеля де Беврона можно назвать нищим дворянином, то Винье считались полуничими дворянами. Кроме замка и парка они владели небольшими земельными угодьями. Замки Бевронов и Винье не просто соседствовали, а стояли рядом, их парки сливались в один.

Жоржетта была поздним ребенком стареющих родителей. Поговаривали, что маркиз де Винье прижил её с горничной, а потом девочку стали выдавать за дочь бездетных супругов. Чертами лица она совершенно не походила ни на маркиза, ни на его жену, ни на горничную. Жоржетта была обворожительно красива. Все дивились её неземному облику и называли не иначе как ангелом. Но характер у Жоржетты был не ангельский. Предприимчивая, решительная и страстная, она обладала непреклонной волей и смелостью. Когда родители покинули этот мир, Жоржетта взялась сама управлять хозяйством, и дела в имении очень серьезно поправились.

Мишель и Жоржетта с детства росли вместе. В четырнадцать лет они ночами бродили по парку, целовались под лу-

ной, клялись друг другу в вечной любви и мечтали бежать в Америку, как кавалер де Грие и Манон Леско. Когда им минуло девятнадцать, Жоржетта, к тому времени уже оставшаяся без родителей и будучи наслышана о донжуанских похождениях Мишеля и о притязаниях бабушки и внучки Виженов, завлекла все еще юного, но уже опытного маркиза в спальню и после брачной ночи объяснила ему, что утром они отправятся в церковь, где всё готово к их венчанию.

Хорошо зная своего возлюбленного, Жоржетта спрятала его одежду. Когда она на рассвете уснула, Мишель сбежал голышом. Через несколько дней он уехал с Виженами в Париж. Но оказалось, что большая часть состояния, которое герцогиня держала в акциях, пропала. Правда, остались фамильные бриллианты. Мишель, как жених получив доступ к драгоценностям, подменил их стразами. Ювелиры объяснили герцогине, что её бриллианты ничего не стоят, Мишель с горестным лицом выразил несостоявшейся невесте и ее бабушке свое искреннее сожаление и заявил, что от несчастной любви решил поступить в гусарский полк. И действительно поступил, и никто так не сорил в Париже деньгами, как молодой гусар маркиз Мишель д'Аркур де Беврон.

А Жоржетту осаждали женихи. Но горбатая колдунья Марго уверяла, что Мишель скоро вернется и они, как голубки, заживут в любви и согласии, но не во Франции, а в какой-то далёкой стране.

К этому времени в Париже произошло много событий,

их принято считать историческими, но Мишель не всегда обращал на них внимание. Состояние короля Луи-Филиппа достигло невероятных размеров. Кстати, Джеймс Ротшильд, чтобы создавать видимость хорошего тона, чуть-чуть отставал от своего покровителя. Парижане опять начали строить на улицах города баррикады. Луи Филиппу пришлось бежать в Англию. Борцы за права народа низвергли монархию и объявили Францию республикой.

На выборах президента неожиданно для всех победил племянник Наполеона Луи Наполеон. Потом он совершил государственный переворот. И народ вторично проголосовал – уже за императора Наполеона III. Помня, как прославился на полях сражений его дядюшка, новоиспеченный император больше всего думал о том, с кем бы ему затеять войну. Гусары полка, в котором числился маркиз Мишель д'Аркур де Беврон, жили слухами о заграничных походах и лихих атаках. Мишель не мечтал о боях и героической смерти. Молодой человек не был трусом. Но смелость и природный артистизм влекли его к подвигам иного рода. Не озаботившись хлопотами об отставке, он самовольно покинул полк и тайно вернулся в свой родовой замок. А вечером вместе с одним из слуг он уже был под окном Жоржетты. Мишель протянул парню три небольших камешка и сказал:

– Как только окно засветится, это значит, она вошла со свечой. Бросишь в окно камешки. Два – один за другим, потом чуть погода – третий. Если некоторое время спустя Жор-

жетта не вышвырнет меня из окна, уходи домой. А завтра скажешь мне, кого из крепких и надежных парней можно собрать по окрестным деревням. Нужно десятка полтора.

Они приставили к стене замка садовую лестницу. Мишель поднялся к окну комнаты на втором этаже, забрался внутрь и закрыл за собой окно.

Долгожданная встреча

Жоржетта со свечой вошла в спальню.

Два камешка один за другим звякнули об оконное стекло. Потом третий. Жоржетта бросилась к окну, резким движением отбросила штору – нет, внизу, в темноте никого... Сильные руки вдруг обняли её сзади, она мгновенно повернулась, вздрогнув от испуга...

Мишель держал её в своих объятьях...

– Ах!.. Ты... – выдохнула Жоржетта и едва не потеряла сознание, ноги её подкосились, но Мишель не дал ей упасть и, подхватив на руки, «оживил её страстным поцелуем» – не могу не привести эти волнительные слова, нетерпеливо отыскиваемые девицами в романах не только в XVIII веке.

Когда Мишель отнёс Жоржетту на постель, она уже совсем пришла в себя. Свеча на столике у кровати догорала и должна была вот-вот погаснуть. Жоржетта и Мишель начали торопливо сбрасывать с себя одежду, видимо, полагая, что в этот момент она им совершенно ни к чему.

Чтобы освободить от одежды Жоржетту, поскольку она была всего лишь в ночной рубашке, не потребовалось особых усилий, и больше хлопот доставил мундир Мишеля. Но Жоржетта действовала решительно и вместе с ним изо всех сил терзала гусарский ментик, снабженный множеством проклятых неподдающихся застежек.

Между жадными поцелуями они успевали вести довольно содержательный диалог, который я привожу полностью ввиду его эмоциональности и выразительности:

– Негодяй, зачем ты явился ко мне?

– Разве ты не ждала меня?

– Я? Да никогда! Я ненавижу тебя!

– Как же ты хороша!

– Убирайся немедленно!

– Ты – чудо!

– Я задушю тебя своими руками!

– За что?

– Негодяй, негодяй, сколько я должна была ждать тебя?

Уходи, не хочу даже видеть тебя!

– Уйти?

– Только посмей! Как ты мог бросить меня?! Никогда не прощу тебя! – Никогда?

– Никогда и ни за что на свете! Негодяй, тебя не было полгода!

– Неужели ты думаешь, что моя любовь к тебе увяла за какие-то полгода? Я помнил о тебе каждое мгновение моей горестной жизни. Ты даже не можешь представить, как я страдал без тебя!

– Но я за это время могла выйти замуж!

– Дорогая, любимая, я знаю, что ты никогда не найдешь сил вырвать меня из своего нежного и верного сердца.

– Подлец, всё-то ты знаешь!

Едва только они победили одежду, свеча, словно исполняя желание Жоржетты не видеть несносного негодника, догорела и погасла, и всё дальнейшее не позволило им продолжить разговор, потому что беседовать в темноте неудобно.

Впрочем, зажигать свечу они не стали, хотя изучать друг друга – а именно этим они и занялись – вроде бы лучше при свете. Тем не менее многие считают, что делать это ощупью и в потемках надёжнее. А под утро они настолько лишили друг друга сил, что зажечь эту свечу уже не мог ни Мишель, ни хозяйка будуара.

Да и в этом уже не было никакой необходимости – предутренний свет, проникая через штору, подобно белому туману, наполнил спальню. Мишель, на целую ночь заполучив Жоржетту – её прекрасное тело, ждущее, жаждущее, требующее прикосновений и готовое сладостно подчиняться его неуёмным желаниям, гибко противостоящее и зазывно сопротивляющееся его страстному напору, – несколько устал, ведь ему так и не пришлось ни на минуту сомкнуть глаз, и он теперь дремал, лёжа на спине, слегка, можно даже сказать целомудренно, прикрытый краешком простыни, и был похож на античного бога, тем более что простыня скрывала только то место, которое на скульптурных изображениях греческих богов и героев в более позднее время стали прикрывать листком фигового дерева, то есть смоковницы, полагая, что это место никого не интересует, что совсем не соответствует высокой истине, а только будит любопытство стыдли-

вых девиц и даже самих юношей, обеспокоенных заботой о совершенстве и соответствии образцам высокого античного искусства.

Жоржетта тоже не успела поспать этой ночью. Но она и не думала спать. Она лежала рядом с Мишеlem в позе бесстыдной вакханки, на правом боку, изящно подперев согнутой в локте рукой свою прекрасную голову и небрежно, но очень красиво изогнув в колене левую, ещё более прекрасную, ногу. «И вся она была словно изгиб», – сказал бы какой-нибудь восточный поэт, искушённый в описании неги телесных наслаждений гарема, а поэт европейский, обычно не пресыщенный удовольствиями плоти и о них только мечтающий, увидев в этот момент Жоржетту, потерял бы способность подбирать рифмы, да и вообще дар речи.

Прелюдия к содержательной беседе

Итак, Жоржетта не спала. Слишком долго она ждала своего триумфа, чтобы после окончательной победы просто уснуть. Она то прислонялась щекой к груди Мишеля, то, принимая прежнюю позу, водила пальчиком по его губам, по подбородку, по груди, вспоминая их первую ночь, когда Мишель завладел ею и владел так сладостно и клялся владеть всегда, и, перепутывая воспоминания с тем, что он вытворял с ее телом этой ночью, она наполнялась торжеством победительницы и восторгом, предвкушением обладательницы.

Он – мой, эти губы, эта грудь – мои. Теперь уже навсегда он овладел мною, навсегда! Он, глупенький, пытался убежать от меня и убежал, но он не смог забыть меня, он вернулся, он пришёл!

Она была так обижена на него – но он пришёл! Она была так зла на него – но он пришёл! Она даже проклинала его – но он пришёл! Она хотела беспощадно мстить ему – но он пришёл, он хочет её, он владеет ею, ею, только ею, и уже никто никогда не отнимет его у неё!

О, как же страстно он хотел её, только её всю эту ночь! Так вот она какая – сладость, женский час, о котором ей когда-то рассказывала горничная, вожаденно тая от одних

только воспоминаний! О, теперь она знает, что это такое! Она уже почти возненавидела его – но он вернулся, он пришёл, и теперь уже она никому не отдаст его.

Мишель в полудреме приоткрыл глаза и увидел над собой лицо Жоржетты. «Как же она все-таки красива... Дьявольски красива...» – преодолевая сон, подумал он.

– Думаешь, как сбежать? – шутливо-вкрадчиво спросила Жоржетта.

– От тебя? Разве от такой красавицы сбегают?

– Но ты ведь сбежал?

– Я?

– Ты.

– Когда?

– Тогда, после нашей первой ночи...

– Но я вернулся.

– Ах, он вернулся! А может, я совсем не желаю видеть тебя, изменника!

– Не желаешь видеть? Ну так всю ночь было темно... – попытался шутить Мишель.

– Замолчи, негодник! Он вернулся! Да кто тебе позволил?! И как вообще ты пробрался в мою спальню? Двери закрыты, я велела никого не впускать, а уж тебя-то...

– Неужели ты не знаешь, что твою красоту не спрячут никакие запоры?

– Да как ты осмелился! Может, я уже давно забыла тебя. Может, ты совершенно не нужен мне. Может, я прокляла те-

бя. Может, я ненавижу тебя за все страдания, которые ты причинил мне!

– Разве можно ненавидеть того, кто тебя обожает? Ведь до того как погасла свеча, я увидел тебя и ослеплен твоей красотой, и навсегда потерял голову, и навеки стал твоим рабом.

– Врешь, негодяй! Зачем ты явился ко мне?

– Чтобы любить тебя.

– А ты меня любишь?

– Разве можно не любить такое божественное совершенство, идеал красоты?

– Не увливай. Отвечай: ты меня любишь?

– Конечно.

– Нет! Говори: я люблю тебя!

– Я люблю тебя.

– Очень любишь?

– Очень.

– Больше всего на свете?

– Больше всего на свете.

– Больше жизни своей?

– Больше жизни.

– И всегда будешь со мной?

– Всегда.

– И никогда не уйдёшь от меня?

– Никогда. До самого вечера.

– Эти шуточки могут дорого обойтись тебе...

– Я не шучу.

– Признавайся, ты меня любишь?!

– Люблю, – покорно согласился Мишель.

– А раз любишь, значит, тебе буду принадлежать только я, и никакая другая, что бы ни случилось, что бы ни произошло. Немедленно клянись мне в этом. Говори: клянусь...

– Клянусь, – послушно повторил Мишель.

Но уже однажды обманутая, Жоржетта на этот раз не теряла бдительности.

– А впрочем, – сказала она, – клятва мужчины ничего не стоит. Я лучше просто запрю тебя в этой спальне и никогда не выпущу.

– Но мне нужно вернуться в полк, – решил пошутить Мишель.

– Ничего не хочу знать, – отрезала Жоржетта.

– Меня накажут за опоздание. Посадят на гауптвахту.

– Так тебе и надо!

– Упрячут в крепость, в каземат.

– Очень хорошо. Там ты не сможешь обольщать глупых девиц и наивных женщин.

– Меня разжалуют.

– И поделом.

– А потом сошлют в какую-нибудь колонию, на острова.

– И прекрасно. Там тебе, негодяю, и оставаться на веки вечные.

– Мне отрубят голову.

– О, с каким наслаждением я бы сделала это сама!

– Как Юдифь в Писании?

– Она очень правильно сделала. Так нужно поступать со всеми мужчинами.

– Неужели ты так жестокосердна?

– Все изменщики достойны казни. Нужно издать такой закон. Изменил той, в любви которой поклялся, – и голову с плеч долой.

– И ты не пощадишь меня?

– Пощадить тебя? Да ни за что! С какой такой стати ты надеешься на пощаду?

– Но ты ведь любишь меня?

– Я? Да нисколечко! Да ни за что на свете! Ненавижу тебя, негодника! Он, видите ли, явился! Обрадовал! А каково мне было, когда ты сбежал? Видеть не могу тебя, обманщика, убирайся с глаз моих!

– Ты гонишь меня?

– А ты и рад? Готов улизнуть? Нет, второй раз тебе это не удастся. А если попробуешь – не сносить тебе головы.

– Я не заслуживаю такой жестокости.

– Не заслуживаешь? Изменник!

– Разве я изменял тебе?

– Наглец!

– Милая, я верен тебе и люблю только тебя одну с тех пор, как ты подарила мне свой первый поцелуй, помнишь, в парке... И после первой нашей ночи мое сердце принадлежит

только тебе.

– Врёшь, – с замирающим сердцем едва выдохнула Жоржетта. – Ты страдал без меня? – с искренним участием спросила она.

– Конечно, – вдохновенно ответил Мишель, – как же я мог не страдать?

– Врёшь, негодяй! – Жоржетте показалось, что она уловила в его голосе скрытую насмешку.

– Я не знал, что мне делать, как жить без тебя...

– Ты не можешь жить без меня?

– Не могу. Потому и оказался здесь.

– Обманщик... Ты думал обо мне?

– Каждую минуту.

– Врёшь, изменник. Лжец, ты думал только о том, чтобы заполучить приданое Генриетты.

– Да, но любил только тебя, одну тебя.

– И потому ты вернулся ко мне? Потому?

– Конечно. Я вернулся, потому что наш брак заключён на небесах.

– Ах, ты ещё издеваешься надо мной! На небесах ты со мной, а на земле ты с... – Жоржетта запнулась, не желая даже произносить имя соперницы, – со всеми своими... Вон их сколько у тебя! Отвечай: ты любишь меня?! Отвечай немедленно!

– Люблю.

– Больше всего на свете?

– Больше всего на свете.

– Поклянись!

– Клянусь.

– Ну, если ты врешь... Если ты врешь... Я не знаю, что сделаю с тобой! Какое наказание тебе придумаю... Все муки ада покажутся тебе ничем в сравнении с казнями, которыми я казню тебя, негодяя, если ты вздумаешь, изменщик, ещё раз сбежать от меня... Ты страдал без меня? – продолжала Жоржетта.

– Да.

– И согласен бежать со мной в Америку, как Манон и де Грие?

– Конечно.

– И теперь ты умоляешь меня простить тебя?

– Да.

– Я не прощу тебя никогда... – покачала головой Жоржетта, возносясь на вершину счастья. – И ни за что. Ты самый гадкий негодник. Ты – чудовище. Ты – страшный, ужасный преступник. Я тебя ненавижу и ты достоин самой жестокой казни, если вздумаешь ещё раз скрыться от меня. Ты меня любишь?

– Да.

– Как тогда в парке, когда целовал меня под нашей липой?

– Да.

– Ты меня любишь больше всего на свете?

Мишель, поняв, что этот допрос не прекратится никогда,

сбросил с себя простыню и на деле совершенно искренне и очень убедительно, а главное умело, подтвердил то, что не совсем убедительно доказывал перед этим на словах.

Жоржетта поверила оправданиям и уверениям Мишеля – известно, что женщины очень доверчивы и мужчине легко убедить даже самую подозрительную и осторожную из них в том, что он любит её, только её и именно «больше всего на свете».

Содержательная беседа

Грозась задушить Мишеля своими руками, обречь его на отрубание головы, Жоржетта несколько преувеличивала. Она знала, что Мишель нужен ей живой. И не просто живой, а весёлый, беспечный, неотразимый. Пусть даже слегка поглядывающий на сторону. Это немножко льстит, когда другие женщины млеют от его взглядов. Но поглядывающий, а не пропадающий на полгода. Все они, мужчины, таковы. Всех их нужно держать на поводке. Вижены – старая карга и её дура внучка – хотели накинуть на Мишеля золотой поводок. Но он обвёл их вокруг пальца и вернулся к ней, Жоржетте. А ведь у неё нет ничего, кроме разваливающегося, никому уже не нужного замка и кое-каких ничтожных доходов, едва позволяющих сводить концы с концами. «Но у меня есть кое-что получше, чем золото и деньги. У меня есть я сама», – думала Жоржетта.

Она поудобнее устроилась рядом с Мишелем и потребовала самым строгим тоном:

- А теперь рассказывай всё.
- Что всё?
- Всё-всё. Каждый свой шаг. Во-первых, почему ты, негодяй, удрал от меня?
- Когда?
- Когда?! Подлец! После нашей первой ночи! Испугался,

что я поташу тебя венчаться?

– Ну что ты! Просто ты была так хороша, так восхитительна, тогда, в нашу первую ночь, что я понял – ты самая прекрасная женщина в мире и я не смогу жить без тебя.

– И поэтому ты сбежал?

– Старуха Вижен пообещала огромное приданное за своей внучкой.

– И ты сбежал, чтобы жениться на ней! Нет, на этот раз я всё-таки задушу тебя собственными руками!

– погоди, милая! Меня охватило чувство любви к тебе такой силы, что я услышал голос разума. Почему у старухи Вижен и её дурнушки-внучки полмиллиона франков, а у нас с тобой – молодых и красивых – ничего? Это просто недоразумение. Эти деньги должны принадлежать нам. Ведь даже если для этого мне пришлось бы жениться на внучке старухи, любил бы я всё равно только тебя.

– Ах вот как! Она бы стала твоей женой, а я – любовницей?! – возмутилась Жоржетта.

– А ты хотела бы наоборот? Что лучше – быть глупой некрасивой, плаксивой женой, которую муж и видеть не желает, или обольстительной любовницей, красавицей, которая всех сводит с ума и которую любовник любит больше жизни и не оставляет ни на минуту?

Жоржетта задумалась, слегка озадаченная вопросом.

– Хорошо, – сказала она, немного сбита с толку, – дальше.

– А что дальше? В Париже выяснилось, что денежки старухи пропали. Она вложила их в акции, а эти акции сгорели, или лопнули, или улетучились. Одним словом, у старухи остались только фамильные бриллианты. Но я не растерялся и подменил их стразами. Старухе не досталось ничего, как и её внучке.

– А ты с бриллиантами сразу ко мне?

– Видишь ли... Вижены могли заподозрить, что бриллианты оказались у меня, и мне пришлось сделать вид, будто я очень огорчён. Поэтому я как бы с горя поступил в гусары. А чтобы у меня не нашли бриллианты, я не торгуясь продал их.

– И с деньгами сразу ко мне?

– Видишь ли... В это время судьба свела меня с одним человеком. Он бежал из России во Францию в поисках справедливости. О, это замечательный, совершенно невероятный человек! Мишель Бакунин. Он необычайно талантлив. Уже в юнкерском училище он подделал какие-то векселя, а потом превзошёл всех в философии. Он принципиально не отдаёт долгов, а живёт только в долг. С его умом он мог бы заработать миллионы, но принцип нарушить бесчестно, поэтому – только в долг! Он часами рассказывал мне о России. Это чудесная страна. Она огромна. От одного придорожного трактира до другого иной раз приходится ехать несколько дней. Зато когда ты подъезжаешь к трактиру, тебе тут же ставят стол под развесистой клюквой и подают хлебное вино. В России нет виноградников, поэтому вино там из пшеницы.

А в трактирах до отвала кормят осетриной. Это в Париже осетрину за сумасшедшие деньги подают в самых дорогих ресторанах. А в России её едят простые крестьяне, извозчики, и даже нищие бродяги. В России осетрина уже всем надоела. Когда русские хотят сказать о чём-либо надоевшем, они так и говорят: «Надоело, как осетрина». Бакунин сам рассказывал мне это. Когда он с восторгом вспоминал о России, я невольно задумался: а может я тоже русский? По матери. Ведь мой отец вернулся во Францию из России. А мне едва исполнилось два года. Разумеется, я не помню свою мать. Но после рассказов Бакунина я сразу сообразил, что она конечно же была русской. Говорят, у русских наполовину медвежья кровь. Медведи очень любвеобильны. Зимой им приходится спать с медведицами в разных берлогах, глубоко под снегом. Зато всё лето они не отпускают своих медведиц ни на шаг. И вот русские девушки идут в лес за ягодами... А медведи...

– Глупец, – рассмеялась Жоржетта и пальчиком щелкнула Мишеля по носу.

– Ты бы видела Бакунина! Настоящий медведь. Какая сила! В ресторане съедает трёх осетров за один присест! Он...

– Погоди, так всё-таки где деньги? – спросила Жоржетта.

– Деньги... Вот в этом-то всё и дело... Денег за бриллианты оказалось совсем не так много, как казалось. Бакунин, осетрина... За неё в Париже дерут просто немыслимые день-

ги... Гусары из полка... – Не мог же я показаться перед ними скрягой... И эти попойки, пирушки...

– С девицами и актрисами, – подхватила Жоржетта.

– Ну что ты, какие актрисы, Жоржетта? Все эти гусары только и думают о том, чтобы с утра до вечера махать саблями. Их вот-вот отправят на какую-нибудь войну. Поэтому я и покинул полк. Понимаешь, я каждую минуту думал только о тебе. Ты представить не можешь, как я страдал без тебя. В этом чёртовом Париже кредиторы не дают свободнодохнуть. Знаешь что, любимая? Давай уедем в Россию. Бакунин уверял меня, что в Петербурге и в Москве кредиторов даже не пускают в приличные дома.

– В Россию? – сморщила прелестный носик Жоржетта. – Там холодно... Даже Наполеон чуть не замёрз в России.

– В России не везде холодно. Это в Сибири ужасные морозы. Просто Наполеон, когда сжёг Москву и возвращался во Францию, заблудился, пошёл не той дорогой и попал в Сибирь. А там полно казаков. Но казаки в бараньих тулупах, им холод нипочём.

– Мы с тобой клялись друг другу бежать в Америку, как Манон и де Грие.

– Если мне удастся сделать то, что я задумал, то бежать придётся в Россию или в Америку, – главное, подальше от Франции.

Что задумал мишель

– Что же такое ты задумал, после чего нужно бежать?

Неужели обвенчаться со мной? – усмехнулась Жоржетта.

– Конечно, прежде всего мы обвенчаемся...

– Вот как! А ты потом не сбежишь?

– Только вместе с тобой. Но сначала нужно разобраться с деньгами Ротшильда.

– При чём здесь деньги Ротшильда?

– Видишь ли, пока Мишель Бакунин был в Париже, он мне всё объяснил.

– Где же он теперь?

– В тюрьме.

– Миленькое дело.

– Он поехал в Германию, чтобы начать там революцию.

Но немцы ничего не понимают в революциях. Они арестовали его и выдали русскому царю. А русский царь терпеть не может Бакунина за его познания в философии. Вот он и посадил его в каземат. Но я хорошо запомнил всё, что мне растолковал Мишель.

– И что же он тебе рассказал?

– То, что собственность есть кража. Любая собственность – это результат несправедливости. А деньги – это всемирная всеобщая собственность. И то, что у одного их много, а у другого в кармане пусто, – вопиющее безобразие. А

священная обязанность философа Бакунина, и моя вместе с ним, – бороться по мере сил и возможности с несправедливостью, чего бы это ни стоило. В философии...

– Дружочек, я ничего не понимаю в философии. Да и не хочу понимать. Скажи, что ты задумал? – перебила Мишеля Жоржетта.

– Всего лишь восстановить справедливость. Во Франции у всех французов есть сколько-нибудь денег. А вот у Ротшильда у одного денег больше, чем у всех французов. Ротшильд даже не француз. Кто он такой? Откуда явился в Париж? Еврей из Франкфурта. Он приехал налегке, в почтовой карете и совсем без денег, еще при Наполеоне. А теперь у него много денег. Каким образом они у него появились? Я двадцать пять лет прожил во Франции и у меня почему-то нет никаких денег. Деньги, как и собственность, есть кража. Значит, Ротшильд попросту украл деньги у меня, у остальных французов. Я – маркиз. Мои предки сражались за короля. В гусарском полку я лучше всех владею шпагой. Предположим, я вызову этого Ротшильда на честный поединок и пусть деньги достанутся тому, кто победит, что мне ответит Ротшильд? Поступит ли он как настоящий мужчина?

– Он укажет тебе на дверь. А если ты будешь настаивать, вызовет полицию.

– В том-то и дело! Нужно, как и говорил Мишель Бакунин, действовать по-другому!

– Как?

– Я всё придумал. Ротшильд купил себе роскошный особняк, который когда-то принадлежал Галейрану. Это настоящий замок на рю Сен-Флорентин. Я возьму с собой несколько молодчиков. И навестим господина Ротшильда поздним вечером... Наш визит ему конечно же не понравится. И он обратится в полицию. Но сторожей и слуг, и его самого мы свяжем покрепче, а за ночь успеем уйти подальше от Парижа. Вот тогда нам с тобой и надо будет решить, куда направиться – в Америку или в Россию.

– Понятно, – сказала Жоржетта, – сначала ты, негодник, сбежал от меня. Потом похитил и прокутил бриллианты Виженов. Потом дезертировал из полка. А теперь решил стать грабителем.

– Жоржетта, милая, прелестная, я сбежал, но ведь я вернулся. Ты думаешь, было бы лучше, если бы вместо того, чтобы прокутить бриллианты старухи Вижен, я женился на её глупой внучке? Или отправился с полком на какую-нибудь войну и меня убили бы, и ты проплакала бы свои самые красивейшие в мире глаза? Или, может, справедливо то, что этот Ротшильд живёт в Париже, в роскошном особняке, а я, маркиз, должен ютиться в полуразвалившемся замке? Да, я негодник, обманщик, похититель, дезертир и грабитель, но есть одно обстоятельство, которое оправдывает все мои грехи и преступления.

– Какое же это обстоятельство? – игриво спросила Жоржетта.

– Я люблю тебя больше всего на свете! – Мишель приподнялся и обнял Жоржетту.

– Клянёшься?

– Клянусь.

– Ну если ты не врёшь... И можешь доказать это на деле...

Мишель тут же доказал на деле, что он любит Жоржетту больше всего на свете. И она поверила милому, неотразимому, желанному Мишелю.

О дядюшке Сангене

После убедительных доказательств Мишель и Жоржетта лежали рядышком, целомудренно укрывшись простынёй, похожие на двух ангелов, спустившихся с небес и задумавшихся о благих делах.

– Знаешь, не нравится мне твоя затея, – задумчиво сказала Жоржетта.

– Ты думаешь Бакунин не прав? – отозвался Мишель.

– Может быть и прав, если он философ, – продолжила Жоржетта, – только деньги Ротшильд вряд ли хранит в особняке на рю Сен-Флорентин.

– А где?

– В банковской конторе. В сейфах под надежными замками. В особняке вам достанется мелочь, побрякушки и кое-какие драгоценности. А когда вы начнёте их продавать, полиция вас всех переловит. Большие деньги – миллионы – сейчас держат в акциях.

– Курс акций может упасть, и они сгорят или лопнут, как у старухи Вижен.

– Это у старухи Вижен курс может упасть. У Ротшильда он не падает.

– Верно, я слышал, что Ротшильд сам повышает и понижает курс. У него везде люди, от которых это зависит, он всем им приплачивает. Но как они это делают?

– Прошли те времена, когда грабили на большой дороге со шпагой в руке и вытрясали из проезжего купчишки золотые монеты. Теперь людей обирают на бирже.

– Но как?

– Не знаю. Тут нам не обойтись без дядюшки Сангена.

– Кто это?

– Мой двоюродный дядя. Ему уже больше девяноста лет. Когда-то он отрекся от титула маркиза. Был в свите Наполеона. Живым вернулся из России. Обнищал. Но потом дела его поправились. Сейчас у него свой особняк в Париже. Не такой, как у Ротшильда, но свой маленький особнячок. Я его наследница. Правда, он говорит, что проживёт сто двадцать лет. И это похоже на правду – выглядит дядюшка лет на пятьдесят. А зарабатывает он на советах.

– На советах?

– Он дает советы и берёт за это деньги.

– Интересно, сколько стоит совет?

– Смотря какой. У дядюшки голова, как библиотека. Он знает всё. А главное – все тайны, все слухи. За некоторые советы он, наверное, требует много. Но и по мелочи тоже. Например, он то и дело, почти каждую неделю, выдает меня замуж, а с женихов получает по тысяче франков.

– Как это?

– Он заказал мой портрет и повесил у себя в кабинете. Каждый день у него посетители. Богатые холостяки спрашивают: кто это? Дядя отвечает: племянница, маркиза, свой за-

мок, правда, в глуши, имение почти не даёт дохода, мечтает выйти замуж, могу познакомить, но ничего не обещаю. И получив с желающего тысячу франков, везёт ко мне. Я, помня о тебе, негоднике, отказываю. На следующей неделе – опять гости. А ведь я, между прочим, могла бы и замуж выйти. Он ко мне и герцогов привозил, и богачей, таких, как твой Ротшильд.

– А тебе из этой тысячи франков он хоть сколько-нибудь отдаёт?

– Ни сентима. Дядюшка скуп невероятно. Когда приезжает, так ещё и пообедать норовит. Я ему сказала: женихов можешь возить сколько угодно, но на обед не рассчитывай. Так пока я с гостем, дядя – на кухню и выпросит у кухарки пирожок. А моя Сюзанна, добрая душа, ему и ветчины отрежет, а он съест и еще просит – мол, в дорогу. Дядюшка рассказывал, что недавно очень удачно купил и выгодно перепродал на бирже акции Северной железной дороги. Строит её Ротшильд. Думаю, дядюшка всю его подноготную знает. Помнится, он что-то говорил о взятках... Если бы знать всё, что известно дядюшке...

– Давай спросим его.

– А сколько он потребует денег за свой рассказ? Кстати, дядюшка был дружен с твоим отцом и даже хотел писать о нём роман. Ты говорил, что, возможно, твоя мать русская. Не знаю, кто была твоя мать, а вот история твоей бабушки известна: мне колдунья горбатая Марго рассказывала кое-

что. Марго – сводная сестра твоего отца. А твоего отца и его брата-близнеца, твоего дядю, мать родила от колдовства. Оттого-то и ты такой дьявол... Поэтому и приворожил меня, беспомощную и беззащитную девушку... – вздохнула Жоржетта.

Начало истории Ротшильдов

На этом интересном месте оставим Мишеля и Жоржетту. Мне думается, пора хотя бы вкратце рассказать историю Джеймса Ротшильда, у которого Мишель и Жоржетта надеются похитить несколько миллионов франков, а именно тридцать, как выяснится впоследствии. Есть ли у достойного банкира такая сумма, потребовавшаяся Мишелю и Жоржетте, а если есть, то каким образом она оказалась в его надежных сейфах и как он заработал ее: неустанным праведным трудом или украл, как полагал знаменитый бунтарь всех времён и народов Михаил Бакунин, появившийся на свет в селе Премухино на берегах реки Осуги, где долгое время «мешал дело с бездельем, чтоб не сойти от дел с ума», – так, по крайней мере, он сам описывал своё безоблачное детство.

Я уже упоминал, что первый Ротшильд, а его звали Майер, отец Джеймса Ротшильда, короля банкиров, родился в бедной семье в еврейском гетто города Франкфурта-на-Майне. Ротшильды были так бедны, что не имели даже фамилии. Их называли Ротшильдами, потому что они ютились в доме с красной черепичной крышей: «рот» – это красный, а «шильд» – крыша. Хотя «шильд» часто переводят и как «вывеска». Ротшильд – красная вывеска.

Да, вот она, эта красная вывеска, висит у входа в лавку. Не так уж бедны Ротшильды, у них ведь есть своя лавочка...

Чем торгуют в этой лавочке? Ай, что это за торговля! Мелкие железные изделия, вот крючок, а вот дверная задвижка, ею можно запереть дверь в спальню, чтобы никто не мешал отдохнуть, когда ты весь день просидел в лавке, не дождав-шись ни одного покупателя. Вот кое-какие дешёвые безде-лушки, это даже не стразы – они хотя и подделка, но дорого-ваты для лавки Ротшильдов – у них простая бижутерия: бу-сы из стекляшек, серьги под серебро, медное колечко, почти как золотое. А вот поношенная одежда, тряпье, но люди по-купают эти лохмотья, им нужно хоть как-то одеться... Такой вот товар, и что можно заработать, торгуя этим хламом?

Маленький Майер – умненький мальчик. Он всегда помо-гал в лавке. Но родители отправили его в город Нюрнберг в иешиву – еврейскую духовную школу. Майер – прилежный ученик, он станет раввином, уважаемым человеком, ему не придётся торговать старьём, он будет читать священные кни-ги и рассуждать об умных вещах в синагоге.

Родители Майера умерли во время эпидемии оспы, когда ему только-только минуло двенадцать лет. Денег для опла-ты учебы не стало. Дальние родственники помогли сиротке Майеру устроиться учеником в банк Оппенгеймера в Ганно-вере. Сюда стекались деньги со всей Европы. Здесь есть че-му поучиться. Посмотреть, как делают деньги. Деньги рекой текли мимо молодого Майера. Деньги ландграфов, князей и даже королей, богатых купцов и мелких торгашей. От этого потока не оторвать взгляд. Он завораживает. На него мож-

но смотреть вечно, как на огонь или на струящуюся в реке воду. Со временем юноша мог бы стать опытным клерком. Майер пробыл в Ганновере восемь лет – это больше университетского курса. Он очень многому научился и еще больше понял. Но он старший в семье, ему пришлось вернуться в гетто, в свою лавку. Вот дверная задвижка, вот серьги под серебро, а вот ермолка – её ещё можно носить и носить. Доход невелик, но главное, дожить до ярмарки.

На Франкфуртскую ярмарку, известную с двенадцатого века, съезжалась вся Германия, люди из трёхсот больших и маленьких княжеств. В каждом княжестве чеканили свои деньги. И продавцы и покупатели несли флорины, дукаты, гульдены и талеры всех мастей в меняльные лавки.

Майер тоже менял деньги. В дни ярмарки к нему приходило много народа. Он хорошо знал, сколько серебряных талеров дать за золотой флорин и сколько фартингов отсчитать за гинею. Майер никогда не требует больших комиссионных. Чем скромнее процент, тем больше посетителей. Сразу получишь меньше, зато потом будет больше. И можно дотянуть до следующей ярмарки. В Священном Писании сказано: живи сегодня, а думай про завтра. По дороге алчности и жадности не придёшь в богатству и достатку. И пусть только мудрость ведёт тебя и детей твоих по всем дорогам, как бы не были они трудны.

На весах мудрости взвешена монета. Один золотой венецианский дукат равен одному серебряному талеру. Талер в

десять раз дешевле дуката.

Чем измерить мудрость? Мерой ли веса? Древние люди – шумеры – научились измерять вес, сравнивая всё на чашах весов со спелым твердым зернышком пшеницы. Они называли это зернышко «шу». Это слово стало означать «измерять», и так со временем древние евреи назвали свою первую монету из серебра – шекель: то, что измерено, взвешено.

Сейчас шекели не в ходу. Как и драхмы, оболы, статеры, ассы, денарии, сестерции. Теперь по курсу идут гульдены, флорины, талеры. А шекели, драхмы и сестерции никому не нужны. Их отдают по весу металла, но и по весу металла их никто не хочет брать.

А Майер берёт.

Чудаковатый еврей, он любит деньги.

Почему евреи так любят деньги?

Потому что их можно взять с собой, когда гонят. Когда нужно бежать, не возьмёшь с собой дом. И землю, в которой могилы твоих предков, тоже не возьмёшь с собой. И даже мебель не потащишь туда, неизвестно куда, где тебя никто не ждёт.

А деньги – завяжи в узелок золотые и серебряные кружочки с надписями и профилями правителей и уходи, пока цел.

Уходи, когда тебя гонят.

Семьсот лет тому назад христиане изгнали евреев из Германии, а тех, кто не ушёл, убили. Пятьсот лет тому назад евреев изгнали из Англии. Столько лет прошло, но евреи пом-

нят. Четыреста лет тому назад их изгнали из Франции, Австрии, Венгрии, Португалии, а потом из Испании, убили сто тысяч, а тридцать тысяч тех, кто принял христианство, но тайно читал Талмуд, сожгли на кострах. Кому это понравится?

Теперь евреям разрешено жить только в гетто. Во Франкфурте-на-Майне это место между городской стеной и рвом с гнилой стоячей водой. Гетто значит «черта». Если еврей перейдет эту черту, любой христианин может ударить и унижить еврея и скажет, что так евреи били и унижали Иисуса Христа. Если еврей перейдет эту черту, его проклянет раввин.

Куда деваться бедному еврею?

Еврею нельзя владеть землёй. Еврею нельзя строить дом. Еврею нельзя быть чиновником.

Что можно бедному еврею?

Можно торговать мелким товаром и поношенной одеждой. Можно менять деньги. Можно давать деньги в рост. Спасибо Иисусу Христу: он запретил христианам ростовщичество. И если нужен кредит, обратитесь к бедному еврею, он найдет наличные деньги: гульденy, флорины и талеры. И получит свой маленький процент. Ведь ему тоже нужно жить. А как жить, если тебе за хлопоты и услуги устраивают погром: жгут дома, грабят и убивают. За что? Евреи отравили воду в колодцах, евреи разносят чуму, евреи пьют кровь христианских младенцев. От евреев все напасти, от них всё

зло, потому что они дают деньги в рост. Но евреи никого насильно не заставляют брать эти деньги. Люди приходят и просят: «Дай». Они умоляют, у них слёзы на глазах, им очень нужны деньги. И ты даёшь им деньги, ведь Закон Моисея не запрещает это еврею. А когда ты дал им деньги и наступит срок возвращать долг, они убивают тебя и разоряют твой дом. Кому это понравится? Куда податься бедному еврею? Где искать справедливость и приют?

В Германии триста княжеств. И у каждого князя и ландграфа есть свой еврей. Раньше такого еврея называли фактором, то есть комиссионером, посредником. Теперь их называют финансистами, управляющими и даже банкирами.

Да, именно банкирами – у многих из них уже не меняльная лавка, а банк. В банке деньги. Деньги живут своей жизнью. Они могут лежать мёртвым грузом или растут, как тесто на дрожжах. Деньги переходят из рук в руки, превращаются в товар, но потом они снова деньги, долговые расписки, векселя, золотые и серебряные кружочки. От долгого хождения монеты стираются, и вот уже не прочесть, что отчеканено на реверсе – обороте монеты и что изображено на аверсе – лицевой стороне. Но если это золото или серебро, слепая монета всё ещё в цене. Деньги исчезают, но потом возникают из дыма и пламени, как сказочная птица Феникс.

Да, евреи любят деньги.

Еврей фактор, финансист, банкир

Тридцать лет в Европе война от края и до края. Христианский завет: возлюби ближнего как самого себя. А если не возлюбишь, тебя убьют. Христиане-католики убивают христиан-протестантов, а христиане-протестанты убивают христиан-католиков. И не год и не два, а тридцать лет подряд без отдыха и перерыва.

Просто и легко убить одного человека, как это когда-то сделал вспыльчивый Каин, не сдержавший своих обид.

Убить много людей тоже не трудно, но хлопотно. Для этого необходима армия. Солдат нужно одеть, обуть, каждому дать ружье с кремневым замком и саблю. А генералу ещё и перо на шляпу. И всех приходится кормить. А тем, которые на лошадях, подавай фураж – овёс и сено. Всё это требует денег. И ещё денег, и ещё денег.

Поэтому владетельный князь, ландгоаф, курфюрст, король и император вызывают еврея – фактора, финансиста, банкира – и велят достать денег, денег и ещё денег под любые проценты. Ведь противник уже приближается к границе, вражеские солдаты вот-вот будут топтать поля, жечь деревни и разрушать города. И если они окажутся сильнее, то их уже никак не заставить молиться в костеле, а не в кирхе. Поэтому нужно срочно собирать полки ландскнехтов, а, как известно, половину жалованья они требуют вперёд, пе-

ред боем, а остальное получают после сражения с учётом доли погибших, а еврея, вздумавшего мошенничать при расчёте, полковым судом приговаривают к смертной казни и закалывают пиками.

А когда одержана победа – телами врагов усеяно поле сражения, и совершены все хитроумные манёвры, отважные атаки и ратные подвиги, разграблен обоз армии противника и снята жалкая одежда с крестьянина соседней деревушки, и войска прошли через разграбленный город – опять ищут еврея, которому можно продать награбленное. Ведь воину-победителю ни к чему ни рубище, содранное с до смерти перепуганного селянина, ни золотая посуда и фарфоровые вазы, ни дорогие безделушки и побрякушки, ни сверкающие даже в темноте бриллианты.

Воину-победителю подавай вино и женщин, а для этого опять же требуются наличные деньги. Потому что без денег никто не нальёт стаканчик вина, а женщины и не подумают улыбнуться тебе.

Кредиты и ссуды, полученные от еврея-фактора, финансиста, банкира, нужно возвращать в срок и с процентами, большими или маленькими, но возвращать. А это значит, новые налоги на крестьянина, ремесленника, купца. Проще убить кредитора: кругом война, людей убивают тысячами, за несколько лет – миллионы трупов, и кто обратит внимание на ещё одного убитого, когда по прошествии времени забываются даже имена полководцев, выигравших битвы и сра-

жения и никто не припомнит имён героев, славно погибших со знаменем в руках. Да и к чему помнить имя еврея, выдававшего кредит, закупавшего провиант и фураж и ко всему еще обсчитывавшего маркитантку?

В гетто во время погромов убивали ни в чем не повинных бедных евреев, никогда никому не выдававших кредитов ни под малые, ни под большие проценты и никогда не рисковавших оказаться на войне и в глаза не выдавших ни одной маркитантки, а всю жизнь перебивавшихся мелкой торговлей. Убивали и факторов, финансистов, банкиров. А Иозеса бен Иссахара Зюскенда, министра финансов князя Карла Александра Вюртембергского, как только князь умер, пытками заставили сознаться в семи смертных грехах, нарядили в позорные одежды и в железной клетке выставили на городской площади Штутгарта. А потом повесили.

Но когда убивают еврея фактора, финансиста, банкира, то свято место пусто никогда не остаётся. Только-только освобождается это место, тут же появляется следующий еврей фактор, финансист, банкир с мешочком, в котором позвякивают золотые монетки, и предлагает выгодный процент и очень удобную рассрочку. А на наличные деньги всегда спрос... Ведь война на время утихла, нужно перестраивать дворец, готовить пышную церемонию коронации, а ювелиры трудятся день и ночь, чтобы младшая дочь появилась на своей свадьбе в таком бриллиантовом колье, которое поразит всех гостей, и расход на одно только вино, поданное к

праздничному столу, превысит годовой доход княжества.

И вот уже почти все владетельные князья, ландграфы и курфюрсты и высшая знать – должники своих евреев факторов, финансистов, банкиров, а доходы от налогов заложены им на несколько лет вперёд. Придворному еврею-фактору разрешают построить дом за пределами гетто, и, чтобы не разгневать князя, ни один христианин не ударит фактора и не напомнит, что когда-то иудеи били Иисуса Христа. И раввин не упрекнёт еврея-фактора за то, что он покинул тесное, нищее гетто, потому что и раввину, и старейшинам еврейской общины не однажды приходится обращаться к влиятельному соплеменнику.

И как быть бедному еврею Майеру Ротшильду из франкфуртского гетто? Торговать поношенной одеждой, дверными задвижками, кольцами под золото, серьгами под серебро, менять гульдены на талеры и дожидаться, когда в сонную тихую лавочку заглянет редкий посетитель? Или изыскать способ проникнуть ко двору ландграфа и, рискуя головой, служить монарху, надеясь на свой процент?

Легко сказать – проникнуть. Ландграфу Гессенского княжества, где расположен Франкфурт-на-Майне, Вильгельму I, конечно, нужен еврей фактор. Но у него уже есть пять таких факторов: Мозес Бюдинг, Михель Симон, Герц Майер, Соломон Абрахам, Зюсман Абрахам. Зачем же Вильгельму I целых пять факторов?

О, надо знать, кто такой ландграф гессенский Вильгельм I.

Полновластный монарх небольшого германского княжества, двоюродный брат английского короля, племянник короля Дании, зять шведского короля, Вильгельм I – необыкновенная фигура в истории Европы. Историки почти не пишут о его жизни и деяниях, хотя обязательно упоминают в связи с некоторыми событиями.

Не все, но многие из современников ландграфа знали, что он богатейший человек в мире того времени. Могущественные правители великих держав – король Англии и австрийский император – его должники. Сведущие люди утверждали, что Вильгельм I даже богаче Фуггеров в пору их расцвета.

Кто такие Фуггеры

Когда Майер Ротшильд обосновался в отцовской лавке во Франкфуртском гетто, звезда Фуггеров, сиявшая несколько столетий, закатилась. Но все ещё хорошо помнили, кто такие Фуггеры. Их имя стало нарицательным. Символом богатства. Именно они несколько веков подряд были самыми богатыми людьми в Европе.

Простой деревенский ткач Ганс Фуггер перебрался из родной деревушки в вольный имперский город Аугсбург, столицу Баварии. Аугсбург знаменит не только ремёслами, науками и искусствами, но и торговлей. Его называли товарным складом Европы. Сюда везут товары из всего Средиземноморья. Здесь викинги продают генуэзским банкирам награбленное золото, здесь ловкие флорентийцы подписывают придуманные ими разменные письма – векселя, сюда через Венецию идут ткани из Персии и даже из неведомого Китая, пушнина из недалёкой, но почти неведомой Московии.

Ганс Фуггер проводит ночи у ткацкого станка, а днем становится к прилавку – он не хочет по дешёвке уступать свой холст перекупщикам. Такие же ткачи, как он, всё чаще просят его продать и их изделие, Ганс Фуггер знает цену труда за ткацким станком, он не пользуется тем, что у семьи ткача не хватает на хлеб и похлёбку, и не старается заполучить холст за бесценок, а сбыть его подороже. Ганс покупает во-

сточные ткани и перепродает их: за лёгкий блестящий шёлк покупатель или покупательница платят больше, чем за грубую ткань.

Ганс приторговывает и пряностями. Людям приелась простая пища. Они хотят приправить ее чем-либо возбуждающим аппетит, им кажется, что тогда они почувствуют вкус жизни, которая так скоротечна. За стручок острого перца, за щепотку кардамона, ванили или корицы, доставленные из далеких стран, можно выручить больше, чем за кусок холста, вытканного за неделю.

Сын Ганса уже занимается только торговлей. А семь внуков и четверо внучатых племянников договорились, вести дела совместно. Сколько бы ни было в их роду мужчин, они никогда не разделят доходы. Капитал всегда останется общим. Объединив деньги, Фуггеры выкупили у эрцгерцога Тирольского серебряные рудники в Швабских горах. А потом император Максимилиан продал им право добычи меди. А потом они взяли на откуп разработки месторождений ртути и серебра в Испании. А потом Фуггеры откупили у испанских церковных орденов права на доходы от заморских владений в Америке. Их корабли плавают в Индию и Китай.

Генуэзские банкиры пытались прибрать к рукам торговую империю Фуггеров. Но Фуггеры вышли победителями из этой борьбы. Они сами стали давать кредиты купцам. И даже папе римскому и императорам Габсбургской династии. Чтобы король Испании Карл V добился избрания императо-

ром Священной Римской империи германской нации, Фуггеры ссудили ему двенадцать тонн золота. Именно столько весили те золотые гульдены – по три с половиной грамма каждый, – на которые Карл V купил голоса немецких князей и курфюрстов и обошёл на выборах французского короля, неудачливого храброго вояку Франциска I, красавца и любимца женщин.

Три века Фуггеры оставались самыми богатыми людьми в этом мире. Их состояние в середине XVI века исчислялось невероятной для того времени суммой в пять миллионов золотых гульденов. И эта сумма удваивалась каждые три-четыре года. Фуггеры превосходили богатством всех монархов Европы.

Фуггеры... Это было почти сто лет назад... О Фуггерах Майеру Ротшильду рассказывал отец Амшель Мозес, а сам он слышал этот рассказ от своего дедушки Исаака Эльханана, когда-то открывшего свою лавочку на Посудной улице в той части франкфуртского гетто, где селилась еврейская беднота. Не так уж был беден Исаак Эльханан, у него своя лавочка с красной вывеской, поэтому его и прозвали Ротшильдом. А спустя годы Амшель Мозес безвременно ушел в мир иной и оставил сыну Майеру Ротшильду наследство – свою лавочку и тысячу триста семьдесят пять золотых гульденов наличными. Немалые деньги для обитателя Посудной улицы франкфуртского гетто. Для Фуггеров такие деньги были допустимы как погрешность в годовом отчёте.

Фуггеры... Сто лет тому назад... Куда исчезли их несметные богатства?

Государственное банкротство Испании при сыне Карла V стоило Фуггерам четыре миллиона золотых гульденов. Государственное банкротство Австрии обошлось вдвое дороже, Фуггеры потеряли ещё восемь миллионов всё тех же золотых гульденов, вес которых с трёх с половиной граммов уменьшился до двух граммов из-за порчи монеты, то есть обмана при чеканке.

А потом началась Тридцатилетняя война. Христиане-католики убивали христиан-протестантов. Христиане-протестанты убивали христиан-католиков. Фуггеры – правоверные католики. На их деньги снаряжались целые армии. Но золото Фуггеров не очень сильно помогло единоверцам. Война закончилась общим примирением. Деньги Фуггеров разбежались, как ручьи после летнего ливня, и исчезли.

Что же осталось от Фуггеров? Квартал с квартирами для бедняков, построенный в Аугсбурге. Здания библиотеки и картинной галереи – Фуггеры покровительствовали наукам и искусствам. И фундаментальное сочинение о коневодстве. Его написал последний из династии Фуггеров, меценат и коллекционер, он любил лошадей и знал в них толк.

Но тем не менее в истории человечества ясно и четко записано: Фуггеры, потомки простого деревенского ткача, богатейшие люди на планете Земля в XIV–XVI веках.

Вильгельм I, ландграф Гессена

Теперь уже век восемнадцатый. И самый богатый из людей в этом мире – ландграф гессенский Вильгельм I, которому подчинён город Франкфурт-на-Майне с прилепившимся у его стены гетто, где на Посудной улице лавочка с красной вывеской, а в лавочке Майер Ротшильд подсчитывает дневную выручку – сегодня есть что считать: удалось продать одну дверную задвижку, серёжки под серебро и ношенный, но вполне ещё приличный лапсердак.

Ландграф Гессенский Вильгельм I не унаследовал от предков дворцы с подвалами, набитыми драгоценностями. Он не владел серебряными и медными рудниками. Его корабли не везли в Европу золото из недавно открытой Америки, ткани из Персии, Индии и Китая или дразнящие запахами пряности с далёких южных островов.

Но тогда как же он сказочно разбогател и стал богаче монархов великих держав, купцов и банкиров?

Вильгельм I торгует живым товаром.

Живым товаром обычно называют чернокожих рабов. Работоторговлей в те времена промышляли португальцы и англичане. Они плывут в Африку и у вождей местных племен за куски ярких тканей, за стеклянные бусы, погремушки и прочие безделушки скупают целые деревни. Рабов грузят на корабли и везут на плантации в Америку и на острова Ка-

рибского моря. Работоторговля – прибыльное, но хлопотное и довольно трудное дело. Один раб стоит относительно дёшево, и чтобы получить хорошую прибыль, нужно продавать их десятками и сотнями тысяч.

Вильгельм I не торгует чернокожими африканцами или, как тогда говорили, чёрным деревом. В своём княжестве он собирает крепких, обязательно рослых парней, почти все они рыжие, как Чубайс, – он никому ещё не известен в XVIII веке, он впишет своё имя в историю в конце XX века. Новобранцев строят на плацу и надевают им на головы напудренные парики с косичкой. Ведь всё происходит в XVIII веке, а в этом веке люди полагали, что убивать друг друга на полях сражений без напудренных париков неприлично. Современник Вильгельма I знаменитый воитель, создатель Пруссии Фридрих II гнал своих солдат в бой криком: «Вы что, каналы, хотите жить вечно!» Вильгельм I гессенский не щеголял красивыми фразами. Фельдфебели просто втолковывали новобранцам, что они должны смело идти на врага, ни о чем не задумываясь. И били палками по плечам. Поэтому, шагая в атаку, гессенцы никогда не нарушали строй и знали, что пулю в лоб и штык в грудь получит не каждый, особенно если сам успеет сделать прицельный выстрел и вовремя ударит штыком, а вот палку фельдфебеля они не забывали никогда.

И поэтому в Европе до времени не было солдат лучше рыжих гессенцев. Вот ими и торговал ландграф Вильгельм

I. Причем он не просто продавал своих хорошо вымуштрованных, наряженных в парики соплеменников, как это тогда делали и многие другие германские князья. Он отдавал их в аренду. Когда наемника всё же настигали пуля или штык, Вильгельму I полагалась за него солидная выплата как за пропавшее имущество. А если погибший был офицером, сумма возрастала в несколько раз в зависимости от чина.

За очень дорогим живым товаром к Вильгельму I чаще всех обращался его двоюродный брат английский король и заодно курфюрст Ганновера Георг III, всю жизнь страдавший полным отсутствием любовниц и впоследствии лишившийся рассудка и ослепший. Задолго до восшествия Георга III на престол из Англии в американские колонии начали высылать приговорённых к повешению душегубов и воров, а чтобы они не страдали от одиночества – и проституток. Колонисты постепенно вырезали местное население, но налоги в казну поначалу платили исправно. Однако потом заявили, что они не англичане, а американцы и ничего в английскую казну платить не будут, пока им не предоставят места в парламенте. Король Георг III решил, что это наглый бунт. И чтобы навести в американских колониях порядок, арендовал гессенцев, хотя это обходилось ему очень недёшево.

Не только англичане, но и многие другие правители: князья, ландграфы, курфюрсты и даже папа римский и император – обращались к Вильгельму I. Дело доходило до того, что бравым гессенцам на поле боя приходилось воевать против

таких же, как они сами, рыжих гессенцев. Но это никого не смущало и никак не отражалось на цене за живых и мёртвых солдат. Деньги со всех концов текли в казну Вильгельма I.

Денег было очень много. А когда денег много, с ними полно и забот. Деньги нужно пускать в оборот. Самое выгодное – давать их в рост. Как христианину Вильгельму I заниматься ростовщицеством не полагалось. Для этого нужен еврей фактор, финансист, банкир. При нём их уже целых пять: Мозес Бюдинг, Михель Симон, Герц Майер, Соломон Абрахам, Зюсман Абрахам. Потеснятся ли они, чтобы с краешка нашлось место Майеру Ротшильду?

Нет, не потеснятся.

Кто он такой, Майер Ротшильд, владелец лавочки на Посудной улице в самой бедной части франкфуртского гетто? И если он попросит посодействовать ему соплеменников – Мозеса Бюдинга, Михеля Симона, Герца Майера, Соломона Абрахама, Зюсмана Абрахама, они просто посмеются над чудаковатым Ротшильдом.

Майер Ротшильд хорошо понимает это и не станет обращаться к ним за помощью. Да, Майера Ротшильда считают чудаковатым. Да, многие посмеиваются над ним. Но он не так прост, как может показаться посетителям его белее чем скромной лавочки. Он себе на уме, он, бедный еврей, знает, с какой стороны подойти к ландграфу Вильгельму I, двоюродному брату английского короля, племяннику короля Дании, зятю короля Швеции, хозяину небольшого княжества

Гессен, но самому богатому человеку в мире.

Действительно, многие обитатели Посудной улицы посмеиваются над Майером Ротшильдом. Он охотно покупает старые вышедшие из оборота монеты. Составляет их каталоги и может подолгу рассказывать о правителях, при которых чеканили все эти солиды, драхмы, сестерции. Если монета золотая или серебряная, её за бесценок по весу металла можно отдать в переплавку, а медь, латунь и бронзу разумнее бросить в металлический лом, чтобы не захламлять лавку никому не нужным барахлом. А Майер не может оторвать заворожённого взгляда от полустёртых надписей и профилей, соседи говорят, что он слегка помешался от возни со своими монетами. У него их больше, чем настоящих денег, за которые можно купить фунт кошерного мяса, чтобы дети не легли сегодня вечером спать на пустой желудок. Это богатые господа собирают старинные монеты. Такая забава не по карману жителю Посудной улицы еврейского гетто. Старинные монеты покупают короли и знатные придворные. Но короли и знатные придворные не заглядывают в лавку Маейра Ротшильда...

Казначей ландграфа

Майер и не думал сходить с ума. Майер знает, ландграф Вильгельм I большой нумизмат. Майер имеет кое-что предложить ландграфу. За долгие годы через руки Майера прошло столько редких монет, что среди них найдутся и такие, которых нет в коллекции его сиятельства ландграфа. Да, Майер имеет кое-что предложить... Но кто пустит еврея из гетто в ермолке и смешном лапсердаке во дворец ландграфа? Любой лакей вытолкает его взащей. Нужен такой человек, который проведёт Майера в покои его светлости. И Майер знает такого человека... Это новый казначей ландграфа Карл Фридрих Бударус.

Бударус молод, но, как это нечасто бывает в его годы, очень умён и понятлив. Он не знатного происхождения и дворянство получил совсем недавно благодаря снисходительности ландграфа.

Ландграф Вильгельм I любит не только деньги. Он любит и женщин. Ландграф видный мужчина. Он строг, когда дело касается денег, но не скуп, если ему нравится женщина. И не всякая христианка откажет ландграфу, если она приглянётся ему.

Говорят, у персидского шаха три тысячи жён и тысяча сыновей. Закон Магомета позволяет это правоверному мусульманину. Христианскому монарху, как и любому его поддан-

ному, полагается одна жена. У ландграфа Вильгельма I их шесть. То есть одна жена и пять любовниц. И три ребёнка. Законных. И двадцать три незаконнорожденных. В отличие от многих беспечных и забывчивых отцов, ландграф хорошо помнит, сколько у него детей, и заботится о них. Любовницы живут в прекрасных особняках. Всем детям ландграф оформил дворянство и купил титулы у австрийского императора, списав ему за это кое-какие мелкие долги. Все дети обуты и одеты. И сыты.

У Вильгельма I есть прекрасная молочная ферма, она снабжает дворец ландграфа и особняки его любовниц свежайшим молоком, маслом и сырами. Внебрачные дети не только обуты, одеты и сыты. Они знают языки, играют на музыкальных инструментах, читают умные книги. Их обучением и воспитанием ведаёт гувернёр и учитель по фамилии Бударус. Выходец из семьи аптекаря, человек незнатного происхождения, но сведущий в науках, ловкий и, несомненно, умный, ведь то место, которое он занимал при большом и не совсем обычном семействе ландграфа, требует и сообразительности и такта.

Поэтому когда подрос собственный сын Бударуса Карл Фридрих, Вильгельм I определил его управляющим своей молочной фермой. Ферма прежде всего поставляет продукты ко двору ландграфа. А остатки вывозят на рынок. В первый же год молодой управляющий навёл порядок в отчётности, уточнил цены, и ферма увеличила доход на сто двадцать

талеров.

Вильгельм I лично просмотрел книгу годовой отчётности фермы. Сто двадцать талеров дополнительного дохода произвели на ландграфа очень сильное впечатление. Он держал в уме обороты десятков миллионов талеров, произрастающих из крови, пролитой на полях сражений гессенскими гренадерами, фузилёрами и кавалеристами, эти миллионы – из дымов и пожаров войны, из воплей и стонов ограбленных деревень и разрушенных городов, из придворных интриг, прикрытых ухищрениями ростовщиков, скрывающих его имя, но действующих в его пользу, не забывая и свой процент.

А из чего выросли сто двадцать талеров дополнительного дохода от молочной фермы? Из усердия молодого управляющего, из аккуратности и порядка, которые всегда приятны немецкому сердцу. И конечно же из безупречной честности...

Вильгельм I поручил Карлу Фридриху Будерису управлять всем придворным имуществом. А это немаленькое хозяйство. И в этом хозяйстве стало заметно больше аккуратности и порядка. Потом ландграф поставил его ведать сбором налогов в Гессене. Налоги княжества – не самый главный источник доходов Вильгельма I. Но и в этом деле нужно поддерживать аккуратность и порядок. Будерус и на этой должности оправдал доверие своего строгого господина. А кроме всего прочего, посоветовал ввести налог на соль.

Раньше была просто соляная монополия и в казну платили только торговцы солью. А теперь и каждый житель княжества, с учетом потребления соли крупным рогатым скотом и овцами. Налог невелик, но его удобно собирать и в казне довольно существенная прибавка.

А совсем недавно ландграф сделал Будериса своим казначеем. Или как иногда говорят – министром финансов.

О, это самая высокая должность при Вильгельме I. Казначей следит за движением всех доходов его светлости. Потоки денег ландграфа гессенского стекаются со всей Европы. Это большие и маленькие суммы, они требуют учета и порядка. Движение этих сумм обеспечивают Мозес Бюдинг, Михель Симон, Герц Майер, Соломон Абрахам, Зюсман Абрахам. Отпускает все эти суммы и ведёт учёт прибыли с них казначей Карл Фридрих Будерус. Он был управляющим молочной фермой ландграфа, он заведовал придворным имуществом, собирал налоги, а теперь в его ведении все финансы Вильгельма I, он казначей, и теперь он стоит между ландграфом и Мозесом Бюдингом, Михелем Симоном, Герцем Майером, Соломоном Абрахамом, Зюсманом Абрахамом, и официально от каждого талера дохода ему полагается один процент. Это немного – один процент. Но от всех сумм это очень даже немало. Будерус – молодой, исполнительный, аккуратный человек. Он большой, очень большой человек.

Маленький презент

Как только случается праздник, Майер Ротшильд приходит в контору показать свое уважение казначею ландграфа и сделать свой маленький презент. И Будерус не гонит прочь странноватого еврея. Семьсот лет тому назад евреев изгнали из Германии. А пятьсот лет тому назад их изгнали из Англии. А четыреста лет тому назад евреев изгнали из Франции, Австрии, Венгрии и Португалии. А потом из Испании. Ну и что в этом хорошего? Кому от этого стало лучше? Будерус молод. Но у него умные печальные глаза. Он не гонит Майера Ротшильда, жителя Посудной улицы, самой бедной части еврейского гетто у стены города Франкфурта-на-Майне. В еврейском гетто две с половиной тысячи евреев. Но только один из них – чудаковатый Майер Ротшильд – каждый праздничный день приносит казначею ландграфа свой маленький уважительный презент.

Какое подношение может сделать казначею могущественного монарха бедный хозяин меняльной лавочки? Разве что пару старинных монет. Будерус не интересуется нумизматикой. Он не беден, однако нумизматика – это увлечение очень богатых людей, таких как, например, ландграф Вильгельм I.

Но Будерус не отказывается от скромного подарка. Зачем обижать бедного еврея, немного простодушно-наивного, к тому же явно не глупого! Будерус не гонит Майера Рот-

шильда и даже выслушивает его рассказ. Майер говорит со смешным акцентом, как и все евреи из гетто, но рассказывает увлечённо, кажется, он вот-вот начнёт пританцовывать и подпевать. Майер рассказывает то, что знает...

Сегодня он принёс две золотые монеты. Вот золотой солид. Его начал чеканить римский император Константин. Тогда монета весила четыре с половиной грамма. Константин не благоволил евреям. Он способствовал христианам, евреи не видели от него ничего хорошего. Он разрешил евреям занимать чиновничьи должности, но только такие, которые требовали больших расходов и не давали никакой прибыли. Это была насмешка над евреями. Солид потом чеканили в Византии и поэтому называли бизантом. Если кто думает, что во Флоренции придумали золотой флорин, а в Венеции дукат и цехин, так это не так. И флорин, и дукат, и цехин чеканили по образцу старинного солида императора Константина. Этот император первым придумал издавать законы о притеснении евреев. Зачем это ему было нужно? А золотой солид чеканили потом и франкские короли, только их солиды весили без малого четыре грамма... В наше время чеканят солиды из плохого серебра с примесью меди. Так что даже медные шиллинги происходят от солида.

А вот еще одна редкая монета. Это золотой ауреус. Он весит больше восьми грамм. Именно вместо ауреса и стали чеканить солиды. Первые ауресы появились при Юлии Цезаре. О, это был великий император! Он никогда не обижал

евреев. Он разрешил восстанавливать стены Иерусалима, он приказал выбить на медных досках декрет о правах евреев и установить его на площади в Риме. Цезарь – умнейший человек. Когда его убили, все евреи были в большой печали. Зачем нужно обижать евреев? Почему император Феодосий продолжил чеканить солиды, но лишил евреев всех прав и запретил строить синагоги – кому это нужно?

Много раз Карл Фридрих Будерус выслушивал рассказы чудаковатого еврея Майера Ротшильда и смотрел на него умными печальными глазами. Шло время. И Будерус провёл Майера Ротшильда в покои ландграфа Вильгельма I.

Что скажет Майер Ротшильд, представ пред очи ландграфа, самого богатого человека в мире?

Майер Ротшильд – всего лишь ничтожный еврей из франкфуртского гетто, но он рад верой и правдой служить их светлости ландграфу. Майер будет служить их светлости, как себе самому. Он никогда не огорчит их светлость. Он сделает всё, что потребуется, чтобы их светлость не знал никаких хлопот. Ландграф – большой человек. Он не должен утруждать себя заботами и разной суетой. Пусть хлопочут и суетятся мелкие люди, такие как Майер Ротшильд. Майер Ротшильд знает, чем угодить ландграфу. Майер Ротшильд имеет смелость предложить вашей светлости вот эту монету. Он даже не серебряный, а из аурихалка – сплава меди и цинка. Но это очень редкий экземпляр. Это латунный сестерций. Он отчеканен при императоре Веспасиане. Том самом, ко-

торый сказал: «Деньги не пахнут», когда сын его Тит устыдился облагать налогом общественные уборные. Веспасиан и Тит сделали много горя евреям. Они опустошили Иудею, они разграбили и разрушили храм. Тит хотел взять в жёны еврейскую красавицу Беренику, дочь царя Ирода. Бедняжка упала и сломала ногу. Её лечили лучшие врачи, чтобы скрыть перелом и чтобы не изменилась её знаменитая легкая походка, которая так понравилась Титу. Она приехала в Рим, ей было больно ходить, зато все удивлялись чудесной красоте иудейки. Но римский народ возненавидел Беренику – никто не захочет себе императрицу-еврейку, и Тит отослал её из Рима. И евреи, которые жили в Риме и уже радовались, сказали: ай, разве будет евреям когда-либо счастье? Латунный сестерций Веспасиана – очень редкая монета. Ваша светлость может убедиться в этом. Я принёс каталоги.

Майер Ротшильд рассказывал, как всегда, самозабвенно, со смешным акцентом, жестикулируя и даже как будто при-танцовывая. Ландграф с интересом смотрел на забавного еврея. К евреям Вильгельм I относился без предубеждений. Евреи умеют обращаться с деньгами. Пять евреев-факторов Мозес Бюдинг, Михель Симон, Герц Майер, Соломон Абрахам, Зюсман Абрахам по всей Европе дают в рост деньги ландграфа. Они имеют с этого свой процент. Три франкфуртских банкира, крещёные евреи Бетман, Руппель и Харниер ведают кредитами, которые Вильгельм I предоставил европейским монархам. Ландграфу известна деловая хватка

и расторопность евреев. Чудоковатый Майер Ротшильд принёс действительно редкую монету. Есть интересные монеты и в его каталоге с пространными описаниями. Ландграф отобрал кое-что для своей коллекции. Бударус не напрасно привёл в покои ландграфа этого еврея.

За монеты, доставленные для коллекции его светлости, Майер Ротшильд получил тридцать восемь гульденов.

Бударус вписал эту сумму отдельной строкой в приходно-расходные книги ландграфа Вильгельма I. Сумма незначительная в сравнении с миллионами, следы которых остались в приходно-расходных книгах – в этой летописи эпохи, в этой Библии страстей и пороков, а в общем-то глупости человеческой. Но аккуратность прежде всего. И вот они, тридцать восемь гульденов, на своём месте, отдельной строкой.

Запишет эти тридцать восемь гульденов в приходно-расходную книгу и Майер Ротшильд – от тоже аккуратен в своей бухгалтерии. Тем более что эта самая крупная сумма, которую он получил в первой половине жизни. Она невелика, но очень значима: именно с неё начинается вторая половина жизненной дороги Майера Ротшильда.

Дела идут в гору

Майер возвращается в свою лавочку на Посудной улице во франкфуртском гетто. Идти приходится через христианские кварталы. По законам славного города Франкфурту-на-Майне, если христианин встретит на улице еврея, то любой, будь то солидный бюргер или подросток-подмастерье, имеет право сказать: «Еврей, знай своё место» – и еврей обязан сделать шаг в сторону, снять шляпу и поклониться.

– Еврей, знай своё место, – слышит Майер Ротшильд.

Он соступает с дороги, снимает шляпу и кланяется.

Вот уже ворота гетто, вот уже Ротшильд у своей лавочки. Он несёт домой тридцать восемь гульденов, он заключил сегодня самую главную сделку в своей жизни. «Еврей, знай своё место» – звучит в ушах у Ротшильда, и он бормочет себе под нос:

– Еврей, знай своё место. Дети мои, уступайте дорогу тем, кто сильнее, знайте своё место, и тогда рано или поздно дорогу вам уступят короли.

Что он бормочет, этот чудаковатый еврей? Какие короли? В Европе много королей, но разве хоть один из них знает о том, что где-то на самой бедной улочке франкфуртского гетто, в доме с красной крышей живёт какой-то Ротшильд? Но у него действительно есть дети. Пять дочерей и пять сыновей. И сыновья скоро подрастут.

Дела Майера Ротшильда постепенно идут в гору. Он знает своё место и время от времени получает от Бударуса небольшие, но выгодные подряды. Ландграф Вильгельм I подозрителен и недоверчив. Бударус аккуратен и осторожен. Ротшильд внимателен и услужлив.

Бударус умными и печальными глазами присматривается к Ротшильду. Да, этот чудаковатый еврей не так прост, как считают многие его соплеменники. Он всё понимает, он умеет держать язык за зубами, он сообразителен, он не подведёт, с ним можно иметь дело.

Бударус – первый советник ландграфа, министр финансов. Как когда-то раньше Бударус исполнял одну деликатную обязанность – присматривал за особняками пяти любовниц ландграфа, на содержание детей которых тот по-прежнему выделяет деньги. Все эти хлопоты может взять на себя исполнительный Ротшильд. Тем более что за свои услуги он берёт столько, что почти ничего. Зато ландграф всё чаще слышит его имя – и не только когда речь заходит о пополнении коллекции монет.

Сам Бударус уже человек весьма состоятельный. Но у него нет времени заниматься своими деньгами. Да и понравится ли ландграфу, если его казначей озаботится прибылями не только своего строгого господина, но и собственными. Бударус мог бы доверить распоряжаться своими деньгами Майеру Ротшильду. Он умный и смыслённый человек, он умеет приумножать деньги, он тоже получит свой процент. Рот-

шилдьд не зарится на большие проценты – процент, который он возьмёт так мал, что это почти ничего...

Будерус может предложить свои деньги Мозесу Бюдингу. Или Михелю Симону. Или Герцу Майеру. Или Соломону Абрахаму. Или Зюсману Абрахаму. И они не откажут в услуге казначею ландграфа. Казначей – уважаемый человек. От его благосклонности зависит очень много. Он – ухо ландграфа.

Но Мозес Бюдинг, Михель Симон, Герц Майер, Соломон Абрахан и Зюсман Абрахан давно работают с деньгами ландграфа. Они уже пережили не одного такого казначея, как Будерус. И при всей их учтивости, демонстрируя почтение и уважение, в глубине души они уверены, что больше зависят от ландграфа, чем от его казначея. Они конечно же окажут услугу. Но приняв их услугу, он сам в какой-то мере станет зависим от них.

Нет, деньги лучше поручить Ротшилдьду. И он будет всем обязан только своему благодетелю, Карлу Фридриху Будерусу.

Будерус доверил Майеру Ротшилдьду капитал в двадцать тысяч золотых гульденов. О, это не тридцать восемь гульденов, которые Майер когда-то выручил, продав Вильгельму I несколько редких монет. Это большие деньги. Если их осторожно и с умом пустить в дело, то будет хорошая прибыль. Большую её часть получит Будерус. Ротшилдьду достанется ничтожный процент. Но алчность и жадность никогда не за-

глушат голос здравого расчета старика Майера. Двадцать тысяч гульденов – это в двадцать раз больше, чем его отец нажил за всю жизнь. Двадцать тысяч золотых гульденов – их теперь называют гольдгульденами, когда-то каждый из них весил три с половиной грамма, а теперь уже всего лишь два с половиной, – о, это очень большие деньги. Двадцать тысяч гульденов дадут Ротшильду возможность открыть свой банк. А банк – это не жалкая меняльная лавка.

Казначей ландграфа по мере сил и возможностей из самых лучших побуждений способствует деятельности банка «Майер Ротшильд и сыновья». И дела идут в гору...

СЫНОВЬЯ

У Ротшильда пятеро сыновей, есть кого оставить в лавке... Но пятеро сыновей Майера Ротшильда уже выросли. Они не хотят сидеть сложа руки, они готовы рисковать и участвовать в самых смелых предприятиях.

И вот, посланные отцом с разрешения господина казначея и с ведома ландграфа, они пришли к Мозесу Бюдингу, Михелю Симону, Герцу Майеру, Соломону Абрахаму, Зюсману Абрахаму и даже к таким важным и уважаемым людям, как Бетман, Руппель и Харниер и сказали:

– Пусть мы будем выполнять любые ваши поручения. Векселя и финансовые документы месяцами в дороге, кругом все воюют, везде таможни, обозы и конвои двигаются так медленно, что это приносит убытки. Пара пистолетов, карета с двойным дном – и мы в несколько дней доставим векселя из Франкфурта по адресам в Вену, и в Ганновер, и в Берлин, Рим и Геную, Венецию и Амстердам, в Мадрид, и Париж, и в Лондон.

Кто эти молодые настойчивые люди? Чего они хотят?

За ними стоит казначей ландграфа Вильгельма I Карл Фридрих Бударус. Они готовы ехать туда, куда их пошлют, они согласны рисковать, чтобы дела шли быстрее, а ведь в этом заинтересованы все, кто участвует в финансовых сделках. А за свои услуги они берут так мало, что это почти ни-

чего. А раз так, то почему не поручить этим молодым людям оказывать услуги, от которых всем только польза?

Майер Ротшильд очень доволен сыновьями. И Бударус тоже хвалит их за безупречную исполнительность.

Тем временем совсем недалеко от Франкфурта у короля Бельгии большие неприятности. У него опустела государственная казна. Королю совсем негде взять денег. Король Дании – дядя ландграфа Вильгельма I. У ландграфа есть деньги, и он мог бы дать дяде в долг. Разумеется под процент.

Но брать процент с родственника нехорошо. Разумеется, кредит королю Дании выделил бы Мозес Бюдинг, или Мишель Симон, или Герц Майер, или Соломон Абрахам, или Зюсман Абрахам. И даже не они – кредит очень велик, королю Дании нужны четыре миллиона талеров, а такими суммами ландграфа оперируют Бетман, или Руппель, или Харниер. Но очень многим в деловых кругах давно известно, что эти факторы и банкиры связаны с ландграфом Вильгельмом I. И если всё-таки не отказываться от возможности получить прибыль с кредита королю Дании, то это нужно сделать через какого-то малоприметного человека, чьи связи с деньгами ландграфа никому не бросаются в глаза.

И такой человек есть. По мнению главного казначея ландграфа, это Майер Ротшильд. О да, ландграф помнит этого еврея. Сумеет ли он распорядиться такой суммой? Как ни как это четыре миллиона талеров. По мнению главного казначея, Майер Ротшильд справится. Майер Ротшильд давно

известен как умный и надежный человек. И он не один. У него пятеро взрослых сыновей. Это сообразительные и толковые, а главное уже опытные молодые люди. Они уже не раз выполняли серьёзные поручения в Вене и в Ганновере, и в Берлине, Риме и Генуе, Вене и Амстердаме, в Мадриде, Париже и в Лондоне.

К тому же банк «Майер Ротшильд и сыновья» за свои услуги берёт совсем маленький процент – такой маленький, что почти ничего.

Да, четыре миллиона талеров – это очень большие, это просто огромные деньги. И такая сделка не могла остаться незамеченной. И Мозес Бюдинг, Михель Симон, Герц Майер, Соломон Абрахам и Зюсман Абрахам, а уж тем более Бетман, Руппель и Харниер не сдержали возмущения. Кто такой этот Майер Ротшильд, чтобы у них под носом делать деньги? Но главный казначей Будерус считает, что Майер Ротшильд прекрасно выполнил поручение ландграфа. И если Мозес Бюдинг, Михель Симон, Герц Майер, Симон Абрахам и Зюсман Абрахам, а также господа Бетман, Руппель и Харниер недовольны, то банк «Майер Ротшильд и сыновья» справится и с теми сделками, которыми раньше занимались Мозес Бюдинг, Михель Симон, Герц Майер, Симон Абрахам, Зюсман Абрахам и Бетман, Руппель и Харниер.

Такого же мнения и ландграф Вильгельм I – уж больно заметна разница между суммой комиссионных, уходивших посредникам раньше, и той суммой, которую получил Рот-

шильд, к тому же сыновья Ротшильда хорошо знают, куда и к кому ехать по адресам в Вене, Ганновере, Берлине, Риме, Генуе, Венеции, Амстердаме, Мадриде, Париже и Лондоне. А кроме того, Майер Ротшильд очень надёжный человек. Очень надёжный. А это очень, очень важно.

И события вскоре подтвердили, что Майер Ротшильд – надёжный человек.

Наполеон I Бонапарт

Ландграф Вильгельм I, сам, быть может, того не желая, в силу обстоятельств того времени оказался в числе противников Наполеона I. И обстоятельства сложились не в пользу ландграфа. Речь о тех обстоятельствах, которые по никому не ведомым причинам складывались в Европе. Тридцатилетняя война, когда христиане-католики убивали христиан-протестантов, а христиане-протестанты убивали христиан-католиков, закончилась сто пятьдесят лет тому назад. Так как англичане жили на острове и в Тридцатилетней войне почти не принимали участия, они, чтобы не сидеть сложа руки, в середине XVII века начали гражданскую войну и отрубили голову своему королю Карлу I. Англию провозгласили республикой. Править страной стал простой сельский помещик Кромвель, прославившийся строгостью и даже жестокостью в военные годы. Но когда Кромвель умер, англичане спохватились, вырыли его тело из могилы и вздернули на виселице, как это в те времена любили делать в Англии. Монархию восстановили и на трон посадили сына казненного короля – Карла II.

Франция во многом отставала от Англии. Голову своему королю французы отрубили намного позже – в конце XVIII века, зато и королеве тоже. Их королева Мария-Антуанетта – дочь австрийского императора, то есть императора Свя-

щенной Римской империи германской нации. Почти все европейские монархи её близкие или дальние родственники. И они начали войну против Франции. Францией правили пять избранных правителей, их называли директорами и они, как и многие французы, в основном жители Парижа, полагали, что во всей Европе нужно срочно установить республику, а монархам отрубить головы.

Во время войны на полях сражений погибают не только рядовые воины, но и маршалы и генералы, и поэтому многие офицеры быстро достигают высоких чинов и званий. Именно это и произошло с лейтенантом Наполеоном Бонапартом.

Он родился на острове Корсика, проданном генуэзскими банкирами Франции, в семье выходца из Италии. Его отец воевал против наёмников, которых присылали генуэзцы, и против французов, явившихся на непокорный остров, знаменитый своими разбойниками и контрабандистами. Но когда французские регулярные войска разбили отряды повстанцев, он признал власть короля. Наполеон окончил военную школу во Франции. Как только в Париже началась революция, он вернулся на родину, чтобы освободить ее от ненавистных захватчиков. Отца Наполеона, к тому времени уже умершего, корсиканцы считали предателем. Поэтому они вышвырнули его сына вон.

Я пишу «вышвырнули вон» образно, даже в некотором смысле поэтически. На самом деле они просто не дали ему захватить власть, арестовали и хотели расстрелять. Наполе-

он бежал из-под стражи и даже сумел вывезти с Корсики мать и своих многочисленных братьев и сестер. Родители Наполеона Бонапарта как истинные итальянцы были плодовиты и это впоследствии дорого обошлось пока еще ничего не подозревавшим народам Европы, включая народы России, особенно обитавшим в её европейской части, а уж тем более жителям города Москвы, уже не числившейся столицей, но таковой считавшейся по старой памяти.

Наполеон служил в революционной французской армии. За осаду и штурм восставшего против революции города Тулона он получил звание генерала, но оставался на грани нищеты. Когда парижане в очередной раз с оружием в руках вышли на улицы, один из пяти правителей-директоров попросил Наполеона утихомирить горожан, и тот рассеял их толпы залпами картечи, за что и получил свое первое прозвище – Картечник.

Директор, который вместе с четырьмя своими товарищами на этот раз остался при власти, женил Наполеона на одной из своих любовниц, а она выхлопотала ему назначение на должность главнокомандующего французской армией, безо всякого успеха воевавшей в это время в Италии с австрийцами. Так Наполеон получил ещё одно из своих прозвищ – Постельный генерал. Он был невелик ростом и в армии его прозвали Маленьким капралом. Несмотря на это прозвище, Наполеон разгромил австрийцев во многих сражениях и, обобрав города и музеи Италии, вернулся в Париж с миллион-

ным состоянием. Но собственно деньги его мало интересовали. В юности он читал сочинения Плутарха, биографии Юлия Цезаря и Александра Македонского, и мечтал завоевать весь мир. Начать он хотел с Индии. А до Индии добраться через Египет. Пять директоров, правителей Франции, вместе со своими любовницами разворовавшие государственную казну, с радостью спровадили Наполеона в египетский поход.

У древних пирамид Наполеон одержал блистательную победу над египетскими мамелюками. Правда, потом неблагоприятные климатические условия, а именно: жара, чума и прочие болезни, а ко всему ещё и недостаток провианта, — сделали армию практически непригодной к употреблению в её прямом предназначении. Наполеон оставил свои войска (большая часть французов, к его сожалению, погибла в «знойных песках»), вернулся в Париж, совершил государственный переворот, стал сначала Первым консулом, а потом всенародным голосованием его избрали императором и теперь можно было завоёвывать весь мир.

Но рядом с Францией находилась Англия. Она располагалась на острове, у нее был огромный флот и разными правдами и неправдами она уже успела прибрать к рукам большую часть мира, поэтому Наполеон объявил Англию своим главным врагом. Он говорил, что хочет мира (то есть хочет владеть всем миром), но втайне от французского народа очень хотел воевать, так как это у него поначалу хорошо по-

лучалось. А поскольку с Францией соседствовала Германия со всеми ее многочисленными княжествами и до них можно легко добраться посуху, Наполеон и начал завоевывать Германию, в том числе и княжество Гессен.

В этом княжестве два самых известных города. Столица – город Кассель. И Франкфурт-на-Майне, в плодородной долине, окружённый виноградниками и садами, когда-то незначительный, временный лагерь римских легионеров, они использовали его для отдыха после длинных переходов, а потом имперский город – в нём бывали и Карл Великий, и Людовик Благочестивый, и Фридрих Барбаросса, а потом избирали и короновали императоров, – а когда революционная Франция объявила свободу народам Европы, французы захватили Франкфурт-на-Майне и наложили на него контрибуцию в два миллиона гульденов. Гессенские наёмники, возвращавшиеся домой из дальних краёв, отбили город, но французы после жестокой бомбардировки взяли его во второй раз, и заставили горожан выплатить шесть миллионов франков, и взыскали дополнительно съестных припасов ещё на два миллиона, солдат, которые остались живы после боёв и сражений нужно чем-то кормить....

В городе Касселе в великолепном дворце жил со своей многочисленной семьёй ландграф Вильгельм I, тогда самый богатый человек в мире.

А в городе Франкфурте в гетто, тоже с немаленькой семьёй, жил бедный еврей Майер Ротшильд.

Опять следует заметить, что выражение «бедный еврей» – поэтическое. Благодаря содействию казначея Будеруса и ничтожному проценту с оборота очень больших денег ландграфа, Ротшильд уже входил в число богатейших людей Франкфурта. Он даже переехал из самой бедной в гетто Посудной улицы на самую престижную в гетто Еврейскую улицу, в дом номер 148 – он назывался Грюншильд, так как на нём висел зеленый щит. И теперь Ротшильд мог бы именоваться Грюншильдом. Но он не стал менять фамилию, давно известную тем, с кого он исправно собирал проценты по кредитам ландграфа, оставляя себе свою долю, такую маленькую, что это почти ничего, но когда это с приличных сумм, то это уже кое-что.

Генерал и казначей

Несмотря на то что Ротшильд не изменил свою фамилию, Наполеон ничего не знал о его существовании в том мире, который выходец с маленького острова собирался завоевать.

Зато император Франции прекрасно знал, кто такие вымуштрованные гессенцы с примкнутыми к ружьям штыками новейшего образца ножевидной формы: такие штыки намного практичнее круглых и трехгранных, так как не только колют, но и режут, а в случае необходимости ими можно и рубить.

Знал Наполеон I и кто такой ландграф Вильгельм I Гессенский. И даже издал о нём особый декрет. Наполеон писал в этом декрете, что ландграф – мерзкий негодяй, что он скопил огромное состояние, продавая подлым торгашам-англичанам своих подданных, что он наживается на крови солдат, которых заставляют защищать рабство, угнетение и тиранию и позорно отдавать свои жизни, трусливо сражаясь с теми, кто смело и отважно борется за свободу, равенство и братство.

Как только французы вступили на территорию княжества Гессен, ландграф Вильгельм I с семьёй, любовницами, законными и незаконнорожденными детьми бежал в Данию, даже не успев как следует позавтракать. Часть денег и драгоценностей он забрал с собой. Но увезти всё было просто

невозможно.

Наполеон послал генералу Лангранжу, назначенному губернатором оккупированного Гессена, приказ немедленно обложить город Франкфурт, освобождённый доблестными французскими войсками от многовековой феодальной деспотии, контрибуцией в четыре миллиона франков: горожане, недавно дважды исправно уплатившие требуемые миллионы, заплатят и в третий раз. Но все эти миллионы мелочь в сравнении с сокровищами ландграфа Вильгельма I, самого богатого негодяя и подлеца в мире. Поэтому главное – изъять из его дворца сотни миллионов, нажитых им на крови гессенских наемников. «Захватите все золото. Не упустите ничего. Пусть всё пойдет на пользу нашей доблестной армии. И никаких злоупотреблений!» – написал Наполеон: он был уверен, что Ланграж, выходец из зажиточной семьи мэра провинциального городка Лектура, не подведёт. Ведь из этого городка вышло пять генералов и маршал Ланн, любимец императора, а сам Ланграж генеральское звание получил прямо на поле боя у египетских пирамид.

Наполеон I не сомневался, что Ланграж более всего озаботится тем, чтобы неисчислимы миллионы из подвалов дворца Вильгельма I пополнили армейскую казну, и что храбрым французским воинам на золото, бесчестно накопленное мерзавцем ландграфом, немедленно поставят новые сапоги, провиант, достаточные запасы пороха и пуль и они, прилично обутые и хорошо накормленные, весело пойдут в бой и

понесут свободу народам мира во имя Франции, которую их великий император любит больше всего на свете, ведь во имя славы и величия он готов пожертвовать всем, что у него есть и всем, что у него может быть.

Генерал Ланграж постарался выполнить приказ императора Наполеона I Бонапарта. Несколько миллионов наличных, обнаруженных во дворце ландграфа Вильгельма I, были разворованы всего лишь наполовину.

Какие-то жалкие несколько миллионов наличными – и это всё? Да, это действительно всё, всё до единой золотой монетки, за которую весёлая маркитантка нальёт вам стаканчик доброго вина и сама доставит несколько приятных минут, так как девицы известного назначения то и дело не успевают за армией, стремительнодвигающейся вперед.

В одной из комнат дворца хранятся какие-то финансовые документы. Казначей ландграфа Карл Фридрих Будерус, человек аккуратный и исполнительный, попросил генерала Лангража разрешить забрать часть этих бумаг: они необходимы для наведения порядка в бухгалтерской отчетности. Он даже готов отблагодарить генерала за любезность суммой в миллион франков. Но генерал, человек бывалый, то есть опытный, потребовал два миллиона, и казначею пришлось согласиться.

Всё, что забрал верный слуга ландграфа, вместилось в один большой портфель. Догадывался ли генерал Ланграж, что в этом портфеле сотни миллионов Вильгельма I Гессен-

ского? Конечно же догадывался, но хорошо понимал, что из этого портфеля в его собственный карман не получится переместить ни один франк, да что там франк, ему не достанется ни единого сантима, и поэтому, скрепя сердце, согласился на два миллиона. Генерал был себе на уме и полагал, что он не глупее своего императора, которого он впоследствии переживёт на пятнадцать лет и умрёт с титулом пэра Франции в окружении благодарных домочадцев, обеспеченных куском хлеба на три поколения вперёд.

А Будерус портфель с документами отнес её Майеру Ротшильду. Казначей ландграфа давно знал: Майер Ротшильд – надёжный человек, ему можно доверять.

Деньги ландграфа

Когда Наполеону I доложили, что вместо сотен миллионов подлеца и негодяя ландграфа Гессенского Вильгельма I в армейскую казну поступила пара миллионов франков, он очень рассердился. И приказал искать исчезнувшие миллионы.

Следы привели в дом номер 148 на Еврейской улице, который назывался Грюншильд, а жил в нём Ротшильд.

Трёхэтажный дом слегка возвышался над соседними, вплотную примыкавшими к нему, строениями. Он был очень узким. На верхних этажах маленькие комнатёнки. Это спальни родителей и детей. На первом этаже кухня и столовая. Есть в доме и подвал. В нем приходно-расходные книги, финансовая отчётность за многие годы. Если покопаться в этих бумагах, то можно точно узнать, по какой цене тридцать лет тому назад были проданы железная дверная задвижка и стеклянные бусы и сколько выручил Майер Ротшильд, обменяв пять золотых флоринов на серебряные талеры.

А куда девались миллионы ландграфа Вильгельма I, из этих бумаг узнать невозможно.

О, Вильгельм I – великий человек. Он очень богат, его знает весь мир.

А Майер Ротшильд – бедный еврей. Кто его знает? Разве что соседи да клиенты, которым он даёт мелкие кредиты под

небольшой процент – давать деньги в рост не запрещено законом Моисея...

В подвале за полками, заваленными финансовыми документами за полвека, надёжно спрятана потайная дверь. Она ведёт в ещё один, совсем маленький подвал. В нём хранится портфель, который передал казначей ландграфа. Это и есть сотни миллионов Вильгельма I. Они никогда не попадут в руки императора Наполеона I Бонапарта, занятого покорением мира. Под присмотром Майера Ротшильда и его пятерых сыновей эти миллионы будут почти десять лет обращаться между Веной, Ганновером и Берлином, Римом и Генуей, Венецией и Амстердамом, Мадридом, Парижем и Лондоном.

Пройдет десять лет и европейские монархи соберутся с силами и выдворят из Европы Наполеона I Бонапарта, нагло попытавшегося под грохот артиллерийской канонады, вопли раненых и крики «виват император» пробиться в ряды их не всегда дружной семьи. Они вышвырнут его с континента на остров Эльбу, а потом ещё дальше, на одинокую скалу в океане. Вышвырнут так, как когда-то соплеменники вышвырнули его с Корсики.

А ландграф Гессенский Вильгельм I после всех этих событий возвратился в родное княжество, восстановил забытую со времён Наполеона барщину и ещё пять лет, до дня своей смерти, продолжал наряжать рослых рыжих наёмников в напудренные парики и строго следил за тем, чтобы фельдфебели исправно колотили их палками по плечам.

Банк «Майер Ротшильд и сыновья» по первому же требованию вернул ландграфу миллионы, переданные на сохранение. Вернул до единого талера и основной капитал, и проценты за все годы. Но благодаря оборотам, успешным вложениям и удачным сделкам сыновья Ротшильда, имевшие возможность распоряжаться этими миллионами, уже были богаче ландграфа. Имя его теперь известно только историкам, которым не лень копаться в архивах и листать страницы фолиантов в кожаных переплётках, изъеденных мышами.

А фамилию Ротшильд, образовавшуюся от названия дома с красной вывеской во франкфуртском гетто, знают миллионы людей – они восхищаются Ротшильдами, презирают их и завидуют им.

Но всё это будет несколько позже.

Завет

А в 1812 году, когда Наполеон I после сражения при деревне Бородино вошёл в Москву и ему уже докладывали, что кое-где начинается пожар, старый Майер Ротшильд почувствовал приближение смерти и велел собраться у своей постели всем домочадцам.

– Дети мои, – сказал он, – живите вместе и действуйте сообща. Никогда не забывайте, что вы евреи. Знайте своё место. Никто никогда не признает вас своими, какие бы фракки вы ни надели, какой бы роскошью вы ни блистали. Всем будут нужны только ваши деньги. И только если у вас есть деньги, только тогда с вами станут считаться. Всегда оставайтесь верными закону Моисея, живите сообща – и вы станете богаче богачей.

Согласно завету – завещанию – основателя семейства Майера Ротшильда, его сыновья должны были вести дела вместе и никто из них не имел права забирать часть дохода: доход всегда должен оставаться общим. Главным среди братьев будет тот, кого таковым они признают сами. Никто из братьев и членов их семей не мог обратиться в суд по вопросам, касающимся семейного дела. Любые споры нужно решать внутри семьи. Состояние наследуется только прямыми потомками по мужской линии. Мужчинам полагалось брать в жёны евреек из богатых семей и своих двоюродных сестёр

и племянниц. Женщинам следовало выходить замуж только за единоверцев, и никто из их мужей не вправе получить долю в деле Ротшильдов. Свою часть в деньгах – почти двести тысяч гульденов – Майер Ротшильд передал жене и дочерям. Капитал ни в коем случае не подлежит разделу и всегда должен оставаться в семействе.

Любому, кто нарушит этот завет завещание грозило проклятием и изгнанием из семейного клана.

Майера Ротшильда похоронили на еврейском кладбище франкфуртского гетто. Здесь, в гетто, он начинал свою торговлю, продавал железные дверные задвижки, ношенную одежду, менял деньги, собирал монеты. На доме, в котором ютилась его лавочка, висела красная вывеска – «рот шильд». Теперь фамилию Ротшильд уже знают в Европе все короли. Майер Ротшильд не так уж и долго прожил в этом мире – чуть больше шестидесяти лет. Банкирскому дому «Майер Ротшильд и сыновья» суждено просуществовать намного дольше.

Пять сыновей Майера Ротшильда, их называли пятью пальцами одной руки: Амшель, Соломон, Натан, Карл и Якоб (Джеймс), – наследовали деньги и заветы отца.

Когда умер старый Ротшильд, его сыновья еще не были самыми богатыми и могущественными в Европе, их банк просто входил в число десяти крупнейших банков. Но Ротшильды уже стремились к тому, чтобы взять под контроль всю Европу. Сначала они действовали по необходимости, стара-

ьясь извлекать прибыль из своих финансовых операций везде, где возможно. Потом это стало целью. Во-первых, охватывая континент, Ротшильды получали возможность управлять финансовыми потоками, а именно эти потоки в конце концов и приносят большие деньги. А во-вторых, осознание того, что ты держишь в руках весь мир, тешило самолюбие и тщеславие – два чувства, которые движут человека по дороге жизни, когда он сыт и одет.

Амшель Ротшильд управлял семейным банком во Франкфурте-на-Майне, то есть в его ведении были Германия, Нидерланды, и Дания. Натан Ротшильд обосновался в Англии. Джеймс Ротшильд – в Париже, не упуская из вида Испанию и Португалию. Соломон Ротшильд из Вены действовал во всей огромной тогда Австро-Венгерской империи. А Карл Ротшильд открыл банк в Неаполе, он кредитовал папу римского, Сицилийское королевство и контролировал юг Европы.

Несмотря на все усилия, Ротшильдам не удалось проникнуть в Россию. Когда они попытались открыть в Петербурге отделение банка Ротшильдов, самый влиятельный в империи финансист барон Штиглиц тут же отправился к царю и сказал ему, что Ротшильдам с их еврейскими повадками не место в России. Барон Штиглиц в 1812 году из патриотических побуждений отказался от иудейского вероисповедания, стал любимцем императора Николая I, и тот всегда прислушивался к советам барона. Отделение банка Ротшильдов в

Петербурге так и не открылось.

Амшель Ротшильд во Франкфурте и Карл Ротшильд в Неаполе занимались обычными банковскими операциями в интересах семейного дела и, можно сказать, не оставили заметного следа в европейской истории. Деятельность трёх остальных братьев была столь значительна и порой так оригинальна, что выходила далеко за пределы финансовой сферы.

СОЛОМОН

Когда Соломон Ротшильд приехал в Вену, то по австрийским законам он как еврей даже не мог купить себе дом и ему пришлось долгое время жить в гостинице. Австрийское правительство постоянно нуждалось в деньгах. И Соломон Ротшильд устраивал один государственный займ за другим. За несколько лет – на двести миллионов гульденов. Эти займы давали правительству возможность выходить из затруднительного положения и приносили банку Ротшильдов миллионные прибыли.

Знатным австрийским аристократам тоже нужны деньги. Соломон Ротшильд никому из них не отказывал, ведь эти люди имели большой вес в высшем свете, от них зависит очень многое. Соломон даже не обошёл вниманием бывшую супругу Наполеона I Марию-Луизу и её незаконнорожденных от сожительства с одним из генералов детей. Марии-Луизе после отбытия законного супруга на далекий остров Святой Елены определили во владение герцогство Пармское – как ни как она всё-таки дочь австрийского императора. Но казна Пармы пуста. Тогда по совету Соломона Мария-Луиза попросила выдать ей из австрийской казны десять миллионов франков для составления инвентарного списка общественных зданий Пармы. На эти деньги Соломон приобрёл облигации, а они на бирже вдруг выросли в цене, и с тех пор

Мария-Луиза, герцогиня Пармская, и её семейство больше никогда не нуждались в деньгах, а Соломона Ротшильда уже не отказывались принимать при императорском дворе.

Потом Соломон купил государственного канцлера Австрийской империи – князя Клеменса Венцеля Лотора фон Меттерниха Виннебург Бельштейнна.

Тогда в Европе Меттерних был не менее знаменит, чем Наполеон I. Король дипломатии, гений интриги, один из главных победителей корсиканского чудовища, творец обновленной Европы, неотразимый донжуан, правда, в отличие от собственно Дон-Жуана, несколько жестокосердного, Дон-Жуан почти сентиментальный, Миттерних время от времени нуждался в деньгах. Зная об этом, Соломон вполне официально оформил ему кредит. И совсем не на миллион, как многие думают, а всего на девятьсот шестьдесят тысяч золотых гульденов под пять процентов годовых с рассрочкой на двадцать лет. Но чтобы не возиться с рассрочкой, Соломон сразу оплатил проценты и сам себе вернул кредит – уже неофициально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.